

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ В ФОКУСЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

*Сборник материалов
IX Международного конгресса
сравнительного правоведения
(Москва, 2 декабря 2019 г.)*

Москва
2020

УДК 34
ББК 67.0
П68

*Одобрено секцией публичного права ученого совета
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации*

Рецензенты:

Эбзеев Б.С. — член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Гаджиев Х.И. — заведующий отделом судебной практики и правоприменения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук

Редакционная коллегия:

Академик РАН *Т.Я. Хабриева*, доктор юридических наук,
профессор *А.И. Ковлер*, доктор юридических наук, профессор *Р.А. Курбанов*,
кандидат юридических наук *А.М. Белялова*

П68 **Правовые ценности в фокусе сравнительного правоведения:** сборник материалов IX Международного конгресса сравнительного правоведения (Москва, 2 декабря 2019 г.) / Т.Я. Хабриева, Дж. Букиккио, В.Б. Исаков и др. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2020. — 140 с. — DOI 10.12731/978-5-9516-0888-8.

ISBN 978-5-9516-0888-8

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации как организатор Международного конгресса сравнительного правоведения в партнерстве с Европейской комиссией за демократию через право (Венецианской комиссией Совета Европы) стремится привлечь к сотрудничеству представителей различных правовых систем, школ, поколений. Именно в результате такого сотрудничества удастся получить наиболее адекватную картину правового мира.

В качестве тематики IX Конгресса была выбрана проблема ценностных ориентиров в различных отраслях права, поскольку в сфере сравнительно-правовых исследований она зачастую является отправной точкой научного поиска. Цель настоящего издания – обогащение методологии сравнительно-правовых исследований, восполнение теоретических разработок и помощь в выполнении практических задач юриспруденции, которые ставит современное общество.

Материалы сборника убедительно показывают значение социально значимых ценностей для повышения эффективности правового регулирования в разнообразных областях общественной и государственной жизни.

Для практикующих юристов, сотрудников органов государственной власти, представителей научного сообщества, преподавателей, студентов и аспирантов юридических вузов и факультетов, а также для всех, кто интересуется ценностными истоками права и законодательства.

УДК 34
ББК 67.0

ISBN 978-5-9516-0888-8

© Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, 2020

The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

LEGAL VALUES IN THE FOCUS OF COMPARATIVE LAW

*Collection of materials
of the IX International
Congress of Comparative Law
(Moscow, December 2, 2019)*

Moscow
2020

*Approved by the Section of Public Law of the Academic Council
of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation*

Reviewers:

Ebzeev B.S. — member of the the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, honored of academic figure;

Gadzhiev H.I. — Head of the Department of Judicial Practice and Law Enforcement of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law

Editorial board:

Academician of the RAS **T.Y. Khabrieva**, Doctor of Law, Professor **A.I. Kovler**,
Doctor of Law, Professor **R.A. Kurbanov**, PhD in Law **A.M. Belyalova**

Legal Values in the Focus of Comparative Law: collection of materials of the IX International Congress of Comparative Law (Moscow, December 2, 2019) / T.Y. Khabrieva, G. Buquicchio, V.B. Isakov, etc. — M.: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing House “Jurisprudence”, 2020. — 140 p. — DOI 10.12731/978-5-9516-0888-8.

ISBN 978-5-9516-0888-8

The Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, as the organizer of The international Congress of comparative law in partnership with the European Commission for democracy through law (the Venice Commission of the Council of Europe), seeks to attract representatives of various legal systems, schools, and generations to cooperate. It is as a result of such cooperation that it is possible to get the most adequate picture of the modern legal world.

The topic of the IX Congress was chosen as the problem of value orientations in various branches of law, since in the field of comparative legal research it is often the starting point of scientific research. The purpose of this publication is to enrich the methodology of comparative legal research, fill in theoretical developments and help in the implementation of practical tasks of jurisprudence, which are set by modern society.

The materials of the collection convincingly show the importance of socially significant values for increasing the effectiveness of legal regulation in various areas of public and state life.

For practicing lawyers, employees of public authorities, representatives of the scientific community, teachers, students and postgraduates of law schools and faculties, as well as for anyone interested in the value sources of law and legislation.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хабриева Талия Ярулловна</i> Предисловие	11
Обращение председателя Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии Совета Европы) Джанни Букиккио	17
<i>Исаков Владимир Борисович</i> Ценностный подход в юридическом дискурсе	20
<i>Лазарев Валерий Васильевич</i> Усмотрение суда в ряду правовых ценностей	29
<i>Курбанов Рашад Афатович, Гурбанов Рамин Афад оглы</i> Конституционно-правовые основы судебной системы Азербайджанской Республики	38
<i>Ульянов Алексей Владимирович</i> Парижское соглашение по климату как составная часть правовой системы Российской Федерации	51
<i>Хотько Ольга Александровна</i> Правовые механизмы по недопущению глобального изменения климата в свете нарастающего воздействия выбросов парниковых газов при транспортной деятельности	56
<i>Якимова Екатерина Михайловна</i> Равновесие системы конституционного регулирования как ценностный ориентир (на примере конституционного закрепления предпринимательских отношений)	60
<i>Грачева Светлана Александровна</i> О конституционной идее прямого применения международного права и ее «ценностном» проявлении	65
<i>Дюсюпова Алмагуль Дауткановна</i> Ценности в праве и их отражение в аграрном законодательстве России второй половины XIX — начала XX века	76
<i>Бегичева Елена Вячеславовна</i> Использование цифровых технологий в судах общей юрисдикции: проблемы и перспективы развития	85

Содержание

Глазырин Тимофей Сергеевич

**Обеспечение прав инвалидов при получении
государственных услуг** 90

Султанов Айдар Рустэмович

**Европейский Суд по правам человека и конвенциональные
охранительные правоотношения** 95

Баранов Евгений Владимирович

**Значение и место источников международного права
в российской правовой системе** 110

Мишечкина Софья Спартаковна

**Роль международного права в защите прав и свобод человека
в эпоху цифровизации** 115

Пиксин Дмитрий Григорьевич

**Проблемы правового регулирования игровых стримов
в России и зарубежных странах** 121

Пушкина Анастасия Альбертовна

**Конституционные и международные ценности:
некоторые проблемы соотношения при толковании** 126

Рекомендации IX Международного конгресса

**сравнительного правоведения «Правовые ценности
в фокусе сравнительного правоведения»** 136

CONTENT

<i>Khabrieva Talia Yarullova</i> Preface	11
Address by the President of the European Commission for democracy through law (Venice Commission of the Council of Europe) Gianni Buquicchio	17
<i>Vladimir B. Isakov</i> Value approach in legal discourse	20
<i>Valery V. Lazarev</i> Discretion of the court in the list of legal values	29
<i>Rashad A. Kurbanov, Ramin A. Gurbanov</i> Constitutional and legal basis of the judicial system of the Republic of Azerbaijan	38
<i>Aleksej V. Ul'yanov</i> The Paris climate agreement as an integral part of the Russian legal system	51
<i>Olga A. Khat'ko</i> Legal mechanisms to prevent global climate change in the light of the growing impact of greenhouse gas emissions from transport activities	56
<i>Ekaterina M. Yakimova</i> Balance of the constitutional regulation system as a value reference point (on the example of constitutional consolidation of business relations)	60
<i>Svetlana A. Gracheva</i> On the constitutional idea of direct application of international law and its "value" manifestation	65
<i>Almagul D. Dyussyupova</i> Values in law and their reflection in the agricultural legislation of Russia in the second half XIX – early XX century	76
<i>Elena V. Begicheva</i> Use of digital technologies in general jurisdiction courts: problems and prospects of development	85

Content

Timofei S. Glazyrin

Ensuring the rights of persons with disabilities to receive public services	90
--	-----------

Aydar R. Sultanov

European Court of human rights and conventional protective legal relations.....	95
--	-----------

Evgeny V. Baranov

Meaning and place of sources of international law in the Russian legal system	110
--	------------

Sofya S. Mishechkina

The role of international law in protecting human rights and freedoms in the era of digitalization	115
---	------------

Dmitry G. Pixin

Problems of legal regulation of game streams in Russia and foreign countries	121
---	------------

Anastasia A. Pushkina

Constitutional and international values: some issues of correlation in interpretation	126
--	------------

Recommendations of the IX International Congress

of comparative law “Legal values in the focus of comparative law”	136
--	------------

ПРЕДИСЛОВИЕ

Конгресс 2019 года — особенный. Прежде всего потому, что исполнилось 95 лет со дня основания Международной академии сравнительного права. 2020 год — юбилейный для Венецианской комиссии Совета Европы, которая отмечает 30-летие. Деятельность этих хорошо известных во всем мире организаций дает нам основание говорить о том, что сравнительное правоведение не стоит на месте. И в научном, и в практическом применении оно активно развивается. Особенно это заметно в области конституционного права.

Конгресс посвящен правовым ценностям. По одной из самых известных классификаций начала XX в., приведенных Максом Шелером, морально-правовые ценности («справедливое») стоят на третьем месте — сразу после «святого» и «истинного». Современная правовая доктрина в качестве ядра правовых ценностей рассматривает права и свободы человека. Права человека, верховенство права, демократическая организация власти, включающая разделение и сотрудничество властей, неприменение силы, право наций на самоопределение и ряд других признаются во всем мире универсальными правовыми ценностями. Достаточно взглянуть на текст большинства конституций последнего тридцатилетия, что бы увидеть этот общий подход.

Конституционализм долгое время находится в системе координат универсальных (или общечеловеческих) ценностей. Участникам данного форума удалось с высокой степенью точности выявить новый тренд как в глобальном правовом, так и в общем цивилизационном развитии. Сегодня государства формируют новые стратегии на основе сохранения своей социокультурной самобытности, равноправия и диалога культур. Все чаще появляются оригинальные концепты соразмерности универсальных и национальных ценностей.

Таким образом, становится все более очевидным переход от моноцивилизационной к многоцивилизационной модели мирового устройства. Этому способствует усиливающееся

разнообразие направлений эволюции многих локальных культур (арабо-мусульманской, индийской, китайской, российской и т.д.), сформировавших собственные цивилизационные проекты.

О новом векторе в правовой ценностной культуре свидетельствует и последняя «волна» обновлений национальных конституций.

Для основных законов последнего времени характерна «культурно-историческая специфичность». Некоторые страны внесли поправки в конституции, затрагивающие шкалу или приоритетность национальных конституционных ценностей (Армения, Кыргызстан, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан). Сходные процессы мы наблюдаем и во многих других странах — от Латинской Америки до Африки. Наряду с универсальными ценностями в них находят отражение приоритеты нравственно-духовного развития каждого конкретного общества, возводимые на уровень государственной политики.

Вместе с тем при новом подходе возникает проблема баланса между публичными и частными ценностями, которая в современном конституционализме решается неоднозначно.

При этом следует обратить внимание на одно обстоятельство. Эпоха глобализации поставила перед миром ряд острых вопросов, в том числе: надо ли следовать одному, универсальному цивилизационному проекту либо таких проектов может быть несколько? Это отразилось и на дискуссии о праве. Звучали призывы к разгосударствлению права, признанию архаичной теории государственного суверенитета, преодолению «национальной замкнутости», закреплению в качестве универсальных неоднозначных для многих национальных культур ценностей.

Популярность таких концепций оказалась недолговечной. Национальная идентичность далеко не исчерпана, а обозримое будущее мира видится в его разнообразии. Полагаем, не стоит снижать значение государственного суверенитета и национального права с его культурными особенностями. Напротив, надо бережно сохранять эти культурно-исторические ценности. Многие современные конституции, как представляется, исходят из того же принципа. И в этом смысле мы высоко оцениваем подход Венецианской комиссии, которая в

своих рекомендациях достаточно настойчиво и последовательно выражает правовые позиции, но делает это с уважением к традициям национальных правовых систем.

Это отнюдь не означает, что современная правовая доктрина в любой стране должна развиваться замкнуто, без учета сопутствующих правовых процессов. Здесь важно разграничить незыблемые ценности, помогающие сберечь все важное в рамках социокультурного генотипа, с ценностями эволюционного характера, которые возникают в связи с меняющейся средой, возникновением новых, ранее не осмысленных или не существовавших явлений.

Так, мир переживает стремительную технологическую революцию, активно погружается в цифровую и виртуальную реальность. Речь идет о создании искусственного интеллекта, биотехнологиях, о цифровой экономике, криптовалютах, освоении космоса с колонизацией планет и других технологических прорывах. Нормативно-правовое регулирование этих общественных отношений находится в зачаточной стадии, что отметила в одной из своих компиляций и Венецианская комиссия. Эта задача чрезвычайно сложна, поскольку может перевернуть наши представления о социальной регуляции, возможно, даже о праве как таковом. Логика развития ведет к выработке в этом направлении неких новых универсальных подходов и ценностей, в будущем единых для всего мира. Роль и шкала ценностей в этих правовых подходах будет очень велика — и национальное право отреагирует на них по-разному. Вопрос в том, как именно. Изменятся ли нравственные барьеры или представления о должном и сущем? Что будет с правами и свободами человека, если уже сейчас отмечаются некоторые тревожные тенденции, связанные с клонированием, видеонаблюдением? Современные технологии создают новый контекст — взаимодействие человека и технологий, вскрывающий угрозы этим правам. Именно в таком ключе следует искать ответы на насущные вопросы правового бытия человека и обоснование его новых прав.

Размышляя о влиянии новейших технологий на человеческое общество, В.С. Степин писал: «сегодня особенно важно выделить и зафиксировать в качестве исходного рубежа поис-

ков новых стратегий цивилизационного развития идеал сохранения человечества как особой подсистемы биосферы и самой биосферы как целостной сложной развивающейся системы»¹.

Право является для этого одним из необходимых инструментов, так как альтернативы праву как универсальному социальному регулятору на сегодняшний день нет. Не просматривается она и в отдаленной перспективе. Право потенциально и реально способно защитить человека не только от физического насилия и нелегального государственного принуждения, но и от насилия технологического, объединяющего эффекты действия, например, конвергентных технологий.

В связи с этим можно говорить о новой миссии права. Она состоит в сохранении человека как биологического вида, обеспечении мирного сосуществования, гармоничной коммуникации людей и «субъект-объектов», созданных и социализированных в результате применения инновационных технологий.

Возможно, уже сейчас пора готовить общественное мнение и юридическое сообщество к изменениям в некоторых укоренившихся правовых постулатах, которые привнесены в правосознание длительной эпохой господства юридического нормативизма. Огромную роль в этом процессе призвано играть юридическое образование, которое во многих странах отстает от потребностей современной жизни. Очень важно, чтобы наука сравнительного права также «ускорялась» в исследовании текущих общественных процессов.

Сейчас как никогда важно осмысление социокультурных и нравственных традиций в духе правового гуманизма (в том числе в духе концепции «общего блага») — той опоры, которая играет роль особого регулятора в условиях отдельных периодов правового вакуума.

Предлагаемый вниманию читателя сборник материалов IX Международного конгресса сравнительного правоведения посвящен такому осмыслению и примечателен по крайней мере в двух отношениях.

¹ См. подробнее: Степин В.С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 3. С. 6–11.

Во-первых, Конгресс был задуман в целях обогащения методологии сравнительно-правовых исследований, нередко ориентированных на анализ институтов права и лишь в редких случаях — на их ценностную основу. Вместе с тем проблема ценностных ориентиров в различных отраслях права по-прежнему актуальна, а в сфере сравнительно-правовых исследований она зачастую является отправной точкой научного поиска.

В статье профессора В.Б. Исакова, включенной в данный сборник, подчеркивается, что в наш прагматичный век высоких технологий и «инструментализации» права вопросы теории права незаслуженно отодвинуты на второй план, и материалы настоящего издания направлены на решение этой проблемы.

Во-вторых, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации как организатор Конгресса в партнерстве с Европейской комиссией за демократию через право (Венецианской комиссией Совета Европы) стремился привлечь к коллективному «мозговому штурму» представителей различных правовых систем, школ, поколений. Именно в результате такого сотрудничества удается получить наиболее адекватную картину современного правового мира, его объемное, трехмерное изображение.

Как справедливо отметил в своем обращении к участникам Конгресса председатель Венецианской комиссии Джанни Букиккио, ценности демократии, прав человека, правового государства, будучи европейскими по происхождению, в XXI веке становятся универсальными. Спор идет по поводу не сущности этих ценностей, а их конкретного воплощения, и сравнительное правоведение способствует практическому применению таких ценностей в различных отраслях права. По образному выражению профессора Г.Г. Арутюняна, преодоление дефицита правовых ценностей верховенства права позволяет укрепить иммунную систему общественной жизни¹.

¹ См.: Арутюнян Г.Г. Универсальный характер проявления конституционных ценностей: концептуальные подходы: выступление на IX Международном конгрессе сравнительного правоведения (Москва, 2 декабря 2019 г.) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 1. С. 17.

Хабриева Талия Ярулловна

Наглядным примером внедрения ценностных ориентиров в юридическую практику служит анализ судейского правотворчества, предпринятый профессором В.В. Лазаревым. Участники Конгресса убедительно показали более эффективное воздействие правового регулирования в разнообразных областях общественной жизни, когда оно основано на общественно значимых ценностях.

Не утратила значения (и, возможно, никогда не утратит) проблема прямого или опосредованного применения международного права в его «ценностном» проявлении. В связи с этим исследование С.А. Грачевой обращено к идее общепризнанных принципов международного права. А.Р. Султанов энергично продвигает идею «конвенциональных охранительных правоотношений» в свете имплементации правовых позиций Европейского Суда по правам человека, как и Е.В. Баранов, который анализирует имплементацию источников международного права в российской правовой системе.

Цифровизация жизни современного человека и переход к информационному обществу находится в центре внимания молодых юристов. Их статьи позволяют, на наш взгляд, определить место ценностных ориентиров в новом поколении прав, уже получивших в правовой науке название цифровых.

Институт планирует и впредь продолжать проведение и публикацию материалов конгрессов сравнительного правоведения как форумов передовых идей и мнений, способствующих расширению спектра правовых исследований во всех областях юридической науки.

*Хабриева Талия Ярулловна,
Директор Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
заместитель президента Российской академии наук,
член Европейской комиссии за демократию через право
(Венецианской комиссии Совета Европы),
академик Российской академии наук, действительный член
Международной академии сравнительного права,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный юрист Республики Татарстан*

**ОБРАЩЕНИЕ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОМИССИИ
ЗА ДЕМОКРАТИЮ ЧЕРЕЗ ПРАВО
(ВЕНЕЦИАНСКОЙ КОМИССИИ СОВЕТА ЕВРОПЫ)**

Джанни Букиккио

*к участникам IX Международного конгресса
сравнительного правоведения*

*«Правовые ценности в фокусе сравнительного правоведения»
(Москва, 2 декабря 2019 г.)*

Уважаемые коллеги! Приветствую участников конгресса, который уже не первый год проводится Институтом при участии Венецианской комиссии! В этот раз с докладами выступят пять членов Комиссии, что свидетельствует о нашем тесном сотрудничестве. Это не может не радовать. Позвольте поделиться с вами некоторыми наблюдениями, которые имеют непосредственное отношение к работе Венецианской комиссии и к теме правовых ценностей.

С первых дней существования Венецианская комиссия подключилась к поиску правовых ценностей, общих для участвующих в ней государств. Напомню, что первоначально круг этих государств ограничивался Европой, но в 2002 г. Венецианская комиссия начала принимать в свои ряды страны с других континентов. Вопрос об общих ценностях стал в этот период особенно актуален. В своих рекомендациях Комиссия опирается на ряд источников — прежде всего, на международное право и стандарты Совета Европы, но не только. Есть множество вопросов, на которые международное право и документы Совета Европы не дают ответа, и тем не менее Комиссии приходится на них отвечать. Но чем руководствоваться в таких случаях? Наши заключения не имеют обязательной силы, и, строго говоря, мы не «применяем право» в том смысле, в котором это делают суды. Однако важно представлять себе, на чем основываются наши рекомендации, в том числе тогда, когда четкого международного стандарта не существует.

Члены Комиссии — уважаемые юристы, теоретики и практики права. Они знакомы с политической историей своих и соседних государств, а также с современной правовой доктриной. Они обладают глубоким пониманием того, как работают институты и правовые нормы, какие механизмы эффективны, а какие нет. Из этого знания и опыта, из обобщения многолетней практики европейских демократий и формируется панъевропейское конституционное наследие, которое отражает правовые ценности.

Венецианская комиссия находится в постоянном поиске правовых ценностей, в том числе и за границами традиционных источников международного права. В этом состоит важная часть нашей работы. Являются ли эти ценности сугубо европейскими? На этот вопрос сложно дать простой ответ. С точки зрения истории происхождения самой Комиссии она несомненно европоцентрична. Во всяком случае в том смысле, в котором ценности демократии, прав человека и правового государства можно назвать европейскими по их происхождению, изначально. Но XXI веке эти ценности становятся универсальными. Спор идет не по поводу самих этих ценностей, а по поводу их конкретного воплощения. И здесь опыт Венецианской комиссии особенно полезен. Мы очень ценим присутствие в наших рядах юристов, представляющих неевропейские государства. Это позволяет взглянуть по-новому на некоторые конституционные модели и примерить их к быстро меняющемуся миру. Можно сказать, что Венецианская комиссия не только опирается на европейское конституционное наследие, но и обогащает его, обращаясь к неевропейскому опыту конституционного строительства.

Мы не оставляем попыток кодифицировать это наследие, сделать его более удобным для пользователя, *user-friendly*. Так, в 2016 г. Венецианская комиссия одобрила Список вопросов для оценки соблюдения верховенства права. В этом документе делается попытка описать через ряд вопросов и комментариев к ним, что же такое «правовое государство». В 2019 году были одобрены Параметры, описывающие роль оппозиции в демократическом парламенте. Венецианская

комиссия разработала похожие документы в сфере избирательного законодательства, систем конституционного правосудия и т.д.

Наша работа в этом направлении вызывает интерес в академическом мире, среди юристов-практиков, политиков, чиновников и работников неправительственных организаций (НПО). Спрос на кодификацию в этой области большой, и Венецианская комиссия отмечает, что Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации плодотворно работает в этой сфере параллельно и даже в сотрудничестве с нами. Настоящий конгресс — пример такого сотрудничества.

Предлагаю рассматривать конгресс, несмотря на его академический характер, не только как обмен мнениями между учеными-правоведами. В значительной степени такие конференции помогают экспертам-конституционалистам подготовиться к выполнению практических задач, которые общество ставит перед нами. Еще раз искренне приветствую всех участников и надеюсь на дальнейшее плодотворное сотрудничество с Институтом!

Исаков Владимир Борисович,
заведующий кафедрой теории и истории права
НИУ «Высшая школа экономики»,
доктор юридических наук, профессор

ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассматриваются место и роль ценностного подхода в юридических исследованиях. Показана динамика публикаций и защит диссертаций по данной тематике за 50 лет (1970–2019 гг.). Обосновано научно-практическое значение ценностного подхода в современных условиях.

Ключевые слова: ценности, правовые ценности, ценностный подход в юридической науке.

Ценностный подход трудно отнести к малоисследованным аспектам юридической науки. По этой теме написано немало статей и монографий, защищены кандидатские и докторские диссертации, причем не только в теории права, но и в отраслевых юридических науках.

В разрезе публикаций общая картина научного интереса к проблеме ценностей в советской и российской юридической науке выглядит следующим образом:

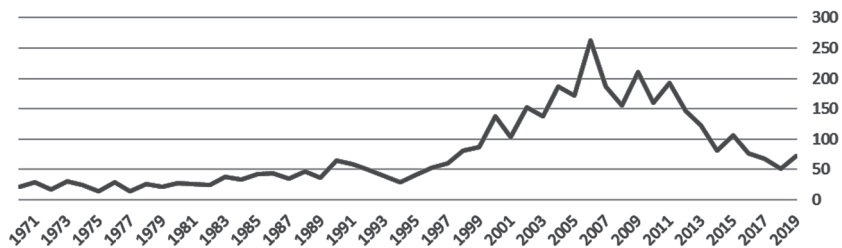

Рис. 1. Общее количество публикаций по ценностной проблематике за 50 лет (1970–2019 гг.)¹

¹ Количество публикаций подсчитано по генеральному каталогу РГБ с использованием поисковых дескрипторов «ценност*» и «аксиологи*» по годам (1970–2019 гг.).

А вот как представлен интерес к ценностной проблематике в советской и российской юридической науке в разрезе защищенных диссертаций за тот же период (1970–2019 гг.):

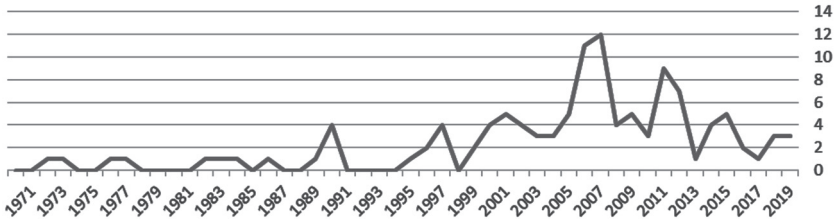

Рис. 2. Количество защищенных кандидатских и докторских диссертаций по юридическим наукам (специальность 12.00.00) по ценностной проблематике за 50 лет (1970–2019 гг.)¹

Далее показано, что интерес к ценностной проблематике в советской и российской юридической науке, представленный на рис. 1, 2, в значительной степени коррелирует:

Рис. 3. Сопоставление общего количества публикаций по ценностной проблематике (вверху) и количества защищенных диссертаций (внизу)

Можно было бы порадоваться высокому стабильному интересу к ценностной проблематике в юридической науке и российском обществоведении в целом, если бы не одно существенное обстоятельство: примерно на этот же период приходятся массовые защиты диссертаций депутатами, чиновниками и представителями бизнеса. Пик этого процесса наблюдался в 2006 г.

¹ Количество защищенных диссертаций подсчитано по генеральному каталогу РГБ с использованием поисковых дескрипторов «ценност*» и «аксиологи*» и кода специальности 12.00.00 по годам (1970–2019 гг.).

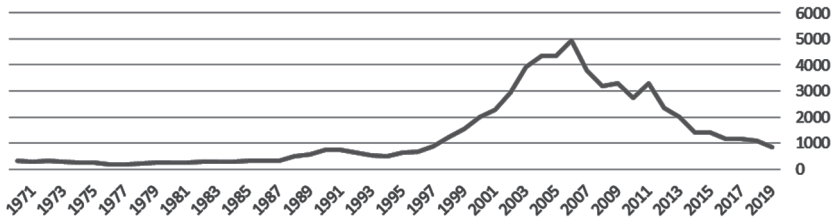

Рис. 4. Динамика защит кандидатских и докторских диссертаций по всем юридическим дисциплинам за 50 лет (1970–2019 гг.)¹

Если объединить вышеприведенные значения, то увидим следующую картину:

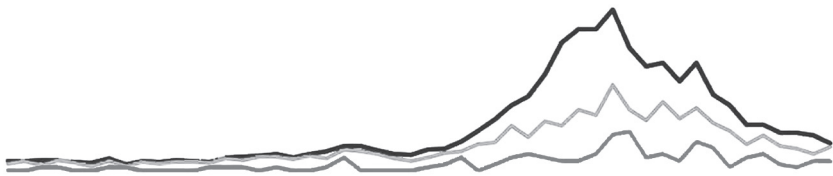

Рис. 5. Сопоставление общего количества защит диссертаций по всем юридическим дисциплинам (верхняя линия), общего количества публикаций по ценностной проблематике (средняя линия) и количества защит юридических диссертаций по ценностной проблематике (нижняя линия)

Высокий уровень корреляции показывает, что все три представленных графика с разных сторон отражают один и тот же процесс. В связи с этим можно выдвинуть гипотезу, которая, однако, нуждается в дополнительной проверке. В общественных науках мало что можно продать на рынке. Одна из несомненных ценностей, которая все еще котируется, — статус ученого, выражающийся, в частности, в ученой степени. С 1998 года в России развернулся процесс массового «одиссертачивания» людей, не имеющих отношения к науке, — депутатов, чиновников, представителей бизнеса и т.д. Поняв, что этот процесс ведет к инфляции ученых степеней, его на-

¹ Количество защищенных диссертаций подсчитано по генеральному каталогу РГБ с использованием кода специальности 12.00.00 по годам (1970–2019 гг.).

чиная с 2006 г. начали останавливать — ВАК стала строже подходить к оценке диссертаций, предъявляя более высокие требования к диссертантам и т.д.

Можно предположить, что ценностная проблематика попала в число тем, по которым легко написать и защитить диссертацию. В советский период такими были темы о возрастании руководящей роли партии — в животноводстве, в растениеводстве, в пожарной охране и т.д. По ним массово писались и успешно защищались кандидатские и докторские диссертации. Как представляется, проблематика ценности права «по инерции» попала в число конъюнктурных тем. Соответственно взрыв интереса к ценностной проблематике носил временный, искусственный характер и значительного приращения научных знаний по данному направлению на самом деле не произошло.

Вместе с тем значение ценностного подхода в юридической науке и практике, на наш взгляд, в полной мере не раскрыто, в связи с чем он не занял в науке и юридической практике надлежащего места. Каково его значение? В чем заключается его ценность в праве — в юридической науке, законодательстве, юридической практике? Можно указать следующие аспекты:

1) это всеобщий (всепроникающий) подход философского уровня, с позиций которого могут оцениваться практически все явления в правовой сфере, причем как ценности позитивные, так и антиценности, ценности со знаком минус;

2) само право, правовые нормы, институты, законодательство, законность и правопорядок могут рассматриваться как ценности. Какие это ценности — абсолютные или инструментальные — отдельный философский вопрос, по которому нет единства мнений. Но того, что это социальные ценности высокого порядка, никто не отрицает;

3) ценности выступают важным социальным ориентиром и выполняют наряду с правом и моралью регулятивные функции. Формируя модель поведения в социальной среде, люди ориентируются не только на социальные нормы, но и на ценности. В связи с этим между правом и ценностными ориентациями людей возможны конфликты;

4) ценностный подход — необходимый инструмент для формирования правовой политики. Формируя правовую политику, государственные органы и должностные лица прокладывают курс в социальном пространстве. При этом у них есть несколько значимых ориентиров: Конституция, законодательство, текущие политические установки, экономические возможности, отечественный и зарубежный опыт и, конечно, ценности — то, к чему надо стремиться, что надо защищать.

Однако и здесь не все просто — политические установки, ведомственные задачи и укоренившиеся в обществе социальные ценности — довольно сложный конгломерат, где также возможны противоречия. Российское руководство убедилось в этом в связи с повышением пенсионного возраста, когда принятые правовые решения вступили в непримиримый конфликт с массовыми социальными ценностями россиян;

5) ценностный подход может выступать в качестве рабочего инструмента для правотворческой и правоприменительной практики. Его значение в правотворчестве наиболее очевидно в уголовном праве. Само построение уголовного кодекса имеет в основе шкалу устоявшихся социальных ценностей, то есть опирается на представления об иерархии социальных ценностей, подлежащих защите. То же самое можно сказать о системе санкций в уголовном и административном праве.

Ценностный подход обеспечивает наполнение смыслом оценочных понятий, используемых в законодательстве и правоприменительной практике, таких как «злоупотребление правом», «порочащие сведения», «уважительная причина», «тяжелые обстоятельства», «существенный вред», «неуважение к суду» и т.п.

Отдельный вопрос — использование ценностного подхода для целей сравнительного правоведения. Дело в том, что ценности нетранзитивны — не переходят из страны в страну, из общества в общество как неизменные стандарты. Ценности формируются внутри общества как интегральный результат его жизни и деятельности, причем на протяжении достаточно длительного времени.

Ценностные системы не только иерархичны, но и подвижны. Например, на протяжении 30 лет (с 1990-х гг.) вслед за изменением самих общественных отношений ценностная система в Российской Федерации претерпела коренные, принципиально важные изменения, поэтому ценностные представления нельзя механически переносить из одной правовой системы в другую, и даже внутри одной правовой системы они на разных этапах неодинаковы.

Возникает вопрос, можно ли вообще сравнивать и измерять ценности. В философии и социологии разработаны определенные подходы к решению данной проблемы¹. При этом следует понимать, что социологи измеряют не сами ценности как таковые, а определенные их социальные проявления — распространенность ценностных установок в обществе, особенности ценностных ориентаций отдельных социальных групп, способы защиты социальных ценностей, предпочтительный выбор ценностей в случае их конфликта и т.д.

Существует выражение «шкала ценностей», но на самом деле речь идет не о формально установленной шкале, а об иерархии ценностей, позиции одной ценности относительно другой. Наиболее очевидно этот подход к оценке ценностей выражен в афоризме Протагора: «Человек — мера всех вещей», то есть сравнивать надо сопоставимое, одни ценности измеряются другими ценностями.

Значение ценностного подхода для сравнительного правоведения видится в нескольких аспектах:

1) ценностный подход позволяет понять подлинный смысл и цели юридических норм, правовых институтов и нормативных правовых актов. Любая правовая политика всегда сопро-

¹ См.: Добреньков В.И. Ценностно ориентированная социология. Постановка проблемы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 4. С 5–22; Елишев С.О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 74–89; Максименко А.А. Социологическая интерпретация понятия «ценность» // Вестник Костромского государственного университета. 2011. № 2. С. 284–290.

вождается определенным идеологическим прикрытием, более или менее демагогическим. Но для ученого-юриста было бы большой ошибкой ориентироваться на это идеологическое прикрытие, не пытаясь понять подлинные цели правового решения, в том числе те ценности, на защиту и поддержку которых реально ориентировался законодатель;

2) в плане сравнительного правоведения могут сравниваться уровень и механизмы правовой защиты тех или иных социальных ценностей — свободы слова, чести и достоинства личности, свободы выезда из страны и т.д.;

3) попытки измерять и сравнивать ценности по какой-то универсальной внешней шкале, например в деньгах, в целом вызывают сомнение и не считаются научно значимыми. Но в некоторых случаях они могут быть полезны. Например, когда речь идет о денежной оценке стоимости жизни и здоровья человека. Сравнение правовой политики разных стран по этому направлению, а также соответствующие подходы в Российской Федерации в разные периоды времени показывают большой разброс денежных оценок и очевидные, не вполне оправданные колебания¹.

В современных условиях ценностный подход в юридической науке и практике переживает определенный кризис, связанный с трудностями и противоречиями текущего этапа научно-технической революции. Активное наступление информационных технологий и искусственного интеллекта создает впечатление их всемогущества, возможности решить на компьютерном «техническом уровне» любую социальную проблему. С этой точки зрения, по мнению некоторых «технократов», обращение к гуманитарным, ценностным, этическим аспектам становится избыточным, ненужным — «дорогостоящим

¹ См.: Зубец А.Н., Новиков А.В. Численная оценка стоимости жизни человека в России и в мире // *Финансы: теория и практика*. 2018. № 22 (4). С. 52–75; Карабчук Т.С., Никитина М.В., Ремезкова В.П., Соболева Н.Э. Как оценить стоимость человеческой жизни? // *Экономическая социология*. Т. 15. 2014. № 1. С. 89–106; Нифантова Р.В., Шипицына С.Е. Современные методические подходы в оценке стоимости человеческой жизни // *Экономика региона*. 2012. № 3. С. 289–293.

удовольствием», затягивающим практическое решение проблем. На наш взгляд, это глубокая ошибка. В истории научно-технических революций XIX—XX вв. энтузиасты технического прогресса неоднократно впадали в «технический восторг» от вновь открывающихся перспектив разрешения болезненных социальных проблем (бедности, голода, болезней, преступности, социального неравенства и др.). И каждый раз жизнь убедительно доказывала, что без обращения к гуманитарным, философским, культурным, правовым, аксиологическим, этическим корням эти проблемы невозможно понять и продвинуться в их решении. Возможно, подобное произойдет в очередной раз — на современном этапе развития науки и техники.

В заключение — конкретное предложение. В диссертационных исследованиях по юридическим наукам сложился традиционный, устойчивый порядок подхода к теме научного исследования. Во вводной части обязательно рассматриваются научное и практическое значение темы, история научных исследований по вопросу, избранная автором методология, новизна, опубликованные работы и т.д. Полагаю, что такой же обязательной «типовой рамкой» для большинства научных исследований в сфере права должен стать аксиологический или ценностный анализ проблемы, ответ на вопрос, в рамках какой ценностной парадигмы выполнено научное исследование, на защиту или укрепление каких ценностей оно направлено.

Библиографический список

1. Добренков В.И. Ценностно ориентированная социология. Постановка проблемы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 4. С. 5–22.
2. Елишев С.О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 74–89.
3. Максименко А.А. Социологическая интерпретация понятия «ценность» // Вестник Костромского государственного университета. 2011. № 2. С. 284–290.

Исаков Владимир Борисович

4. Зубец А.Н., Новиков А.В. Численная оценка стоимости жизни человека в России и в мире // *Финансы: теория и практика*. 2018. № 22 (4). С. 52–75.
5. Карабчук Т.С., Никитина М.В., Ремезкова В.П., Соболева Н.Э. Как оценить стоимость человеческой жизни? // *Экономическая социология*. 2014. Т. 15. № 1. С. 89–106.
6. Нифантова Р.В., Шипицына С.Е. Современные методические подходы в оценке стоимости человеческой жизни // *Экономика региона*. 2012. № 3. С. 289–293.

Vladimir B. Isakov,
*Doctor of Law, Professor, Head of the Department
of Theory and History of Law of Higher School of Economics*

VALUE APPROACH IN LEGAL DISCOURSE

The article is devoted to the place and role of the value approach in legal research. The dynamics of publications and defenses of dissertations on this topic over 50 years (1970–2019) is shown. The scientific and practical significance of the value approach in modern conditions is proved.

Keyword: values, values in the law, the value approach in legal science.

*Лазарев Валерий Васильевич,
главный научный сотрудник центра
фундаментальных правовых исследований
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор*

УСМОТРЕНИЕ СУДА В РЯДУ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Рассматривается принцип законности как одна из правовых ценностей, его соотношение с усмотрением суда и судебским правотворчеством и возможность отнесения последних к правовым ценностям.

Ключевые слова: правовые ценности, правоприменение, судебный активизм, суд, правотворчество.

Правовые ценности являются разновидностью социальных ценностей. Поэтому все то, что философы и социологи относят к характеристике социальных ценностей, начиная с их определения, можно относить и к правовым ценностям.

В первую очередь отметим деление этих ценностей на те, которые обслуживают само право, обеспечивают эффективность внутренних правовых процессов (ценности юридической техники), и те, которые изначально призваны служить адресатам правовых норм, носителям прав и обязанностей, правотворцам и правоприменителям, гражданам, наконец.

Существует градация социальных ценностей, расположение их по горизонтали и вертикали. Соответственно каждую из них можно сопрягать с правовыми. Сам ценностный подход подразумевает, что одни из них окажутся ценнее других. Некоторые ценности находятся в противоборстве — в конку-

ренции, частичном или полном отрицании друг друга, то есть в различии, в противоположности и антагонизме.

Одной из правовых ценностей является принцип законности. В разное время и в разных регионах он в том или другом объеме официально признавался, но всегда в борьбе с принципом целесообразности, который будучи неправовым в ходе этой борьбы отвоевал некоторые позиции и приобрел качество правового в той степени, в какой закон допустил руководствоваться принципом целесообразности в рамках законности.

Принципу строгой законности противостоят *усмотрение суда и судебное правотворчество*. Можно ли эти последние обосновать в качестве правовых ценностей и если да, то в какой степени?

В обоснование формулируемой здесь проблемы и в качестве общей парадигмы ее решения можно сослаться на теоретика естественного права Дж. Финниса: «...развитие современной юриспруденции наводит на мысль, а методологическая рефлексия всех общественных наук подтверждает, что теоретик не способен дать теоретическое описание и анализ *социальных* фактов, если он в то же время не участвует в деятельности по оцениванию, по выработке понимания того, что на самом деле хорошо для человека и чего действительно требует практическая разумность»¹.

Каждое из принимаемых к анализу явлений имеет собственное содержание, которое выливается в особую правовую форму, и, следовательно, каждое из них ценно по-своему. Но союз «и», который их объединяет, призван отразить то общее в их ценности, что дает основу нашему исследованию. Усмотрение суда и судебное правотворчество отражают *судебный активизм*.

Классическая позитивистская теория видит в суде проводника внешней воли. Суд устанавливает обстоятельства определенного кейса и соизмеряет их с заранее установленной программой решения, подводит, как ранее говорили, малую посылку под большую и выносит решение. Это та позиция,

¹ Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2012. С. 19.

которая в свете новых цифровых технологий более других претендует на принятие к действию. Она в большой степени прагматична — экономит время и средства (сокращает издержки судопроизводства). Но она не реалистична. Суд во все времена так или иначе в той или другой степени вносил свою лепту в рассмотрение дела не только в процессуальном плане, что также *существенно и ценностно*, но и в материально-правовом отношении, обогащая ту самую внешнюю волю (волю Бога, волю закона, волю властвующих). Деятельность суда всегда заключала в себе элемент творчества.

Можно заключить, что источником судебного активизма является сознание и воля судей, принимающих решение. Однако внешняя воля, которую мы имеем в виду, сама сориентирована на активное участие суда в проведении ее принципиальных установок. Суду по общему правилу запрещено выносить решение вопреки проявленной свыше воле, но выносить решение в ее рамках не только позволено, но и требуется в каждом отдельном случае. Отсюда следует, что законодатель, например, прямо уполномочивает суд решать некоторые вопросы по своему усмотрению.

21 ноября 2019 г. в Москве состоялся I Московский правоприменительный форум «Судейское усмотрение в практике судов города Москвы»¹. Участники форума пришли к выводу, что судейское усмотрение — неотъемлемая часть профессии судьи, что это важное и необходимое полномочие судей. Многие участники высказались даже за расширение судейского усмотрения². При этом оно должно быть понятным всем

¹ URL: <https://fparf.ru/news/fpa/vazhnoe-i-neobkhodimoe-polnomochie-sudey/>

² Так, заведующий кафедрой уголовного права факультета права НИУ ВШЭ Г. Есаков на примере ст. 201 Уголовного кодекса РФ о злоупотреблении полномочиями показал различное толкование районными судами г. Москвы понятий «существенный вред правам и законным интересам организаций» и «тяжкие последствия»: «Признание активной роли суда в формулировании правовых позиций могло бы сделать уголовное законодательство более предсказуемым с точки зрения будущей квалификации деяния и снизить количество обжалований судебных решений».

участникам процесса и иметь четкие, законодательно установленные критерии.

Однако судебское усмотрение неоднозначное понятие. Сложность его определения и характеристики обусловлена его разными функциями, критериями подхода к оценке той или другой его роли. Усмотрение суда складывается в плоскости правосознания судей и, следовательно, требует оценок как в аспекте правовой идеологии, так и особенно в аспекте правовой психологии; оценок в качестве юридического факта и в качестве своего рода источника права. Было бы некорректно безоговорочно указывать усмотрение суда в качестве, например, средства преодоления или тем более устранения пробелов в праве. В большинстве правовых систем закон предписывает здесь иные способы.

Представляется неубедительным сомнение В.В. Ершова в самой категории «усмотрение» и предложение о замене категориями большей корректности, такими как «регулирование», «правовое регулирование» и «индивидуальное судебное регулирование»¹, притом что автор справедливо настаивает на категории «определенность права»². Следует поддержать В.В. Ершова, когда он пишет: «Как представляется, правовая

¹ Ершов В.В. Парные категории «определенность права» и «неопределенность права». В сб.: Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII Международной научно-практической конференции: в 3 ч. М.: РГУП, 2018. Ч. I. С. 19.

² Там же. С. 31. См. о разных подходах: Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М., 2015; Лазарев В.В. Об органичности для права разумности и определенности // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 142–145; Ершов В.В. Определенность права // Российское правосудие. 2017. № 1. С. 5–25; Поляков С.Б., Сидоренко А.И. Значение принципа правовой определенности в постановлениях Европейского Суда по правам человека // Адвокат. 2014. № 7; Sourlas P. Rechtsprinzipien als Handlungsgrunde. Studien zur Normativität des Rechts. Berlin, 2011; Назаренко Т.Н. Принцип «правовой определенности» и его применение судами общей юрисдикции Российской Федерации. URL: http://usd.sml.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=9

определенность, а точнее — определенность права и принцип “*resjudicata*” — недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела — являются различными правовыми категориями»¹.

Говорить об определенности и неопределенности права — значит ставить вопрос о необходимости конкретизации права. Отсюда, в свою очередь, если вопрос возник в ходе судопроизводства, встает вопрос об усмотрении суда, о возможности и пределах такого усмотрения. Актуализируется принцип прагматического подхода в поиске судом баланса между принципом правовой определенности, обеспечивающим стабильность правоотношений, с одной стороны, и правом на справедливое судебное разбирательство — с другой. Идет соизмерение социальных и собственно правовых ценностей.

Интеллектуальная, по-своему объективная основа для вынесения решения отыскивается в законах разума, в ходе соотношения их с естественными реалиями жизни людей, в ходе ограничения произвола частных стремлений. Здесь вновь можно сослаться на Дж. Финниса, который со ссылкой на Ф. Аквинского утверждает, что любой здравомыслящий человек способен понять, что жизнь, знание, содружество, потомство и некоторые другие основные аспекты человеческого существования суть блага сами по себе, что первые принципы естественного права, которые определяют основные виды блага и зла и которые могут быть адекватно поняты любым, кто достиг сознательного возраста (а не только метафизиками), являются *per se nota* (самоочевидными) и недоказуемыми. Они не выводятся из умозрительных принципов. Они не выводятся из фактов. Они не выводятся из метафизических положений о человеческой природе, о природе блага и зла или «о назначении человека»; не выводятся они и из телеологических представлений о природе, как и из любых других представлений о ней. Они не выводятся из чего-либо и не являются следствием чего-либо. Они не производимы (хотя и не

¹ Ершов В.В. Парные категории «определенность права» и «неопределенность права». С. 17.

врожденны). Принципы различения правильного и неправильного также происходят от этих первичных, предшествующих морали принципов практической разумности, а не от каких-либо метафизических или иных фактов¹.

В соизмерении правовых ценностей нельзя заикливаться только на правах человека. Цивилизационный подход требует в той же степени иметь в виду его обязанности в качестве члена общества и гражданина. Многие философы видели обязанности и как нравственный долг (долг добродетели), и как правовой долг, которому свойственны некие правомочия. У Гегеля человек обладает «правами постольку, поскольку у него есть обязанности, и обязанностями, поскольку у него есть права» («Философия права», § 155).

Современный американский юрист риторически поставил вопрос о возможности *изучения* позитивного права в отрыве от моральных соображений, от моральных принципов. Можно поставить вопрос иначе: о возможности *применения позитивного права в отрыве от моральных соображений, о возможности вынесения судебных решений в отрыве от моральных принципов*. С точки зрения Б. Бикса, большинство отвечают на его вопрос отрицательно². Но и на переформулированный вопрос, как представляется, большинство ответили бы «нет». Позитивист Харт считает, что естественно-правовая теория Дж. Финниса выступает во многих отношениях скорее как дополнение теории юридического позитивизма, нежели как ее соперница³.

При любом отношении к современным естественно-правовым воззрениям там, где специальными статьями закреплены принципы справедливости, равенства, гуманизма и т.д., наблюдается прямая иллюстрация естественно-позитивного права. Такого рода нормы не просто закрепление соответствующей демократической идеологии права. Их назначение —

¹ См.: Финнис Дж. Естественное право и естественные права. С. 52, 56.

² См.: Бикс Б. О границе, разделяющей теорию естественного права и юридический позитивизм // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 73, 75.

³ Там же. С. 73.

воплотиться в конкретных судебных решениях. И в этом заключается особенность естественного права как своеобразного источника парламентского и судебного права в аспекте его генезиса и юридического действия. Естественнопозитивные нормы обусловлены естественной природой вещей, а в своем действии — позитивным волеизъявлением законодателя. Их действие не может оставаться декларативным.

В идеале мыслится воплощение справедливости в законе, в судебном решении, в правопорядке в целом. Имеется в виду не просто декларативное провозглашение данной естественноправовой ценности, но ее реализация в реальных общественных отношениях. Однако и сам факт закрепления принципа справедливости в законе имеет значение, поскольку тем самым подтверждается следование законодателя естественнопровым требованиям.

Суды причастны как к естественному, так и к позитивному праву; с точки зрения теологического варианта естественного права они посредники между божественными и человеческими законами, носители человеческого разума и божественной справедливости. Действительно, в судебном решении в той или другой степени (в разных решениях в разной мере) находит воплощение то, что принято именовать естественным правом, которое чаще всего отождествляют с воплощением справедливости.

Поступки человека и его поведение в целом по большому счету определяют такие свойства, внутренне присущие человеку, как стыд и совесть. На эти естественные основания реализации субъективного права не может не обращать внимания суд при решении определенной категории дел. *Скромность, справедливость, доверие, человечность, милосердие, умеренность, щедрость, смелость* — на это для поддержания мира указывалось представителями различных естественноправовых взглядов независимо от противоположных исходных позиций в обосновании естественного права. И эти ценности не могут уходить из сферы человеческого общежития, какие бы цифровые технологии ни предлагались к внедрению.

Признание существования естественных прав и позитивное их обоснование мы находим чаще в решениях конституционных судов, что само по себе актуализирует проблематику теории естественного права и понимание права в свете этой теории¹.

Обращение к естественно-правовым ценностям в случаях легализованного судебного усмотрения все-таки ограничено позитивным законодательством. В большей степени его можно ожидать в полноценном судебском правотворчестве. Ценностные свойства прецедентного права как независимого источника, регулирующего общественные отношения параллельно с законом, нуждаются в специальном исследовании. Укажем только, что в отличие от закона, который является текстом абстрактного содержания, судебское право наряду с требованиями законодательства напрямую интегрирует в себе требования фактических и правовых отношений, идеи и психические фантомы правового сознания.

Библиографический список

1. Sourlas P. Rechtsprinzipien als Handlungsgrunde. Studien zur Normativitat des Rechts. Berlin, 2011.
2. Бикс Б. О границе, разделяющей теорию естественного права и юридический позитивизм // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2.

¹ Конституционный Суд РФ в отдельных случаях прямо констатирует факт следования естественному праву и, более того, факт охраны естественного права конституционными нормами. Так, в постановлении от 21 мая 2013 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Первова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана» взаимосвязанные положения названных частей признаны неконституционными: «...нарушаются защищаемые Конституцией Российской Федерации и не подлежащие ограничению права на охрану достоинства личности и личную неприкосновенность, а также право на охрану здоровья, что должно расцениваться как ограничение обусловленных потребностью в безопасности естественных неотчуждаемых прав человека и гражданина, реализация которых гарантируется статьями 18, 21, 22 (часть 1), 41 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации».

3. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М., 2015.
 4. Ершов В.В. Определенность права // Российское правосудие. 2017. № 1. С. 5–25.
 5. Ершов В.В. Парные категории «определенность права» и «неопределенность права». В сб.: Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII Международной научно-практической конференции: в 3 ч. М.: РГУП, 2018. Ч. I. С. 19.
 6. Лазарев В.В. Об органичности для права разумности и определенности // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 142–145.
 7. Назаренко Т.Н. Принцип «правовой определенности» и его применение судами общей юрисдикции Российской Федерации. URL: http://usd.sml.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=9
 8. Поляков С.Б., Сидоренко А.И. Значение принципа правовой определенности в постановлениях Европейского Суда по правам человека // Адвокат. 2014. № 7.
 9. Финнис Дж. Естественное право и естественные права М.: ИРИСЭН; Мысль, 2012.
-

Valery V. Lazarev,
*Doctor of Law, Professor,
Chief researcher of the Center for fundamental legal research
of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation*

DISCRETION OF THE COURT IN A NUMBER OF LEGAL VALUES

In the article, the author considers the principle of legality as one of the greatest legal values, its correlation with the discretion of the court and judicial law-making, and raises the question of whether the latter can be attributed to legal values.

Keywords: legal values, law enforcement, judicial activism, court, law-making.

Курбанов Рашиад Афатович,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
доктор юридических наук, профессор

Гурбанов Рамин Афад оглы,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
президент Европейской комиссии
по эффективности правосудия,
доктор юридических наук

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Независимая судебная власть, несомненно, является ценностью демократической культуры, при этом особое значение имеют вопросы формирования действенной судебной системы. В статье представлен анализ структуры и правовых основ судебной системы Азербайджанской Республики, освещены отдельные вопросы функционирования данного института.

Ключевые слова: Азербайджанская Республика, судебная власть, конституция, закон, суд.

Конституционные основы

Конституционные основы организации судебной власти Азербайджанской Республики включены в Главу VII «Судебная власть» Конституции Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года (в ред. 25.07.2016)¹.

¹ Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası, опубликована: «Сборник законодательства Азербайджанской Республики» от 31 июля 1997 года, № 1.

Согласно Конституции Азербайджана, судебную власть в Азербайджанской Республике осуществляют посредством правосудия только суды (ст. 125). Конституция Азербайджана определяет структуру судоустройства в Азербайджане (ст. 125), требования, предъявляемые к кандидатам в судьи (ст. 126), принцип независимости судей, основные принципы и условия осуществления правосудия (ст. 127), принцип неприкосновенности судей (ст. 128), порядок решений суда и их исполнения (ст. 129), основы организации и деятельности Конституционного Суда Азербайджанской Республики (ст. 130), основы организации и деятельности Верховного Суда Азербайджанской Республики (ст. 131), основы организации и деятельности апелляционных судов Азербайджанской Республики (ст. 132), основы организации и деятельности прокуратуры Азербайджанской Республики (ст. 133).

Право на получение юридической помощи упоминается в статье 61 Конституции Азербайджанской Республики среди перечня основных прав и свобод человека и гражданина (Раздел 2 Глава III).

Поскольку Азербайджанская Республика имеет в своем составе Нахчыванскую Автономную Республику, которая является автономным государством и неотъемлемой составной частью Азербайджана (ст. 134), то судебную власть в Нахчыванской Автономной Республике осуществляет суды Республики (ст. 135).

Конституционные основы организации судебной власти Нахчыванской Автономной Республики определяются, помимо Конституции Азербайджанской Республики, также Главой IV «Судебная власть» Конституции Нахчыванской Автономной Республики от 29 декабря 1998 года (в ред. 15.11.2011)¹.

¹ Naхçivan Muxtar Respublikasının Konstitusiyası, утверждена Конституционным законом Республики Азербайджан «Об утверждении Конституции Нахчыванской Автономной Республики» от 29 декабря 1998 года № 603-1 QQ («Naхçivan Muxtar Respublikasının Konstitusiyasının təsdiq edilməsi haqqında» Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası Qanunu) в редакции 15.11.2011 года (Собрание Законодательства Азербайджанской Республики, 2011 г., № 12, ст. 1083).

Согласно Конституции Нахчыванской Автономной Республики судебную власть в Республике осуществляют посредством правосудия только суды (ст. 43). Конституция Нахчыванской Автономной Республики определяет структуру судостроительства в Республике (ст. 43), основы организации и деятельности Верховного суда Нахчыванской Автономной Республики (ст. 44), основы организации и деятельности общих и специализированных судов Нахчыванской Автономной Республики (ст. 45), основы организации и деятельности прокуратуры Нахчыванской Автономной Республики (ст. 46).

Организация деятельности судов Азербайджана регулируется Конституцией Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года (в ред. 25.07.2016), Конституцией Нахчыванской Автономной Республики от 29 декабря 1998 года (в ред. 15.11.2011) и Законом Азербайджанской Республики «О судах и судьях» от 10 июня 1997 года № 310-IQ (в ред. 25.04.2017).

В судебную систему Азербайджана входят суды двух разных юрисдикций¹:

I. Органы конституционного правосудия:

1) Конституционный суд Азербайджанской Республики — высший орган конституционного правосудия в государстве²;

2) Верховный суд Нахчыванской Автономной Республики обеспечивает конституционный надзор в Нахчыванской Автономной Республике³.

II. Суды общей юрисдикции — суды, рассматривающие все судебные дела, кроме вопросов конституционного правосудия⁴:

¹ Статья 125 Конституции Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года (в ред. 25.07.2016); статьи 1 и 19 Закона Азербайджанской Республики «О судах и судьях» от 10 июня 1997 года № 310-IQ (в ред. 25.04.2017).

² Статья 1 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном суде» от 23 декабря 2003 года № 561-IIQ (в ред. 03.04.2015) («Konstitusiyaya Məhkəməsi haqqında» Azərbaycan Respublikasının Qanununu, опубликовано: газета «Азербайджан» от 8 января 2004 г., № 5).

³ Статья 44 Конституции Нахчыванской Автономной Республики от 29 декабря 1998 года (в ред. 15.11.2011).

⁴ Статья 125 Конституции Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года (в ред. 25.07.2016); статья 43 Конституции Нахчыванской Ав-

- 1) *Верховный Суд Азербайджанской Республики;*
- 2) *апелляционные суды;*
- 3) *общие и специализированные суды.*

Количество судей судов, входящих в систему судов общей юрисдикции Азербайджанской Республики, устанавливается Президентом Азербайджана¹.

Конституционный суд

Деятельность *Конституционного суда Азербайджанской Республики*² регламентируется отдельными статьями (ст.ст. 84, 86, 88, 101, 102, 104, 107, 108, 125, 130, 153 и 154) Конституции Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года (в ред. 25.07.2016) и Законом Азербайджанской Республики «О Конституционном суде» от 23 декабря 2003 года № 561-ПQ (в ред. 03.04.2015).

Конституционный суд Азербайджана является высшим органом конституционного правосудия по вопросам, отнесенным Конституцией Азербайджанской Республики к его полномочиям, не зависит с организационной, финансовой, а также любой другой стороны от органов законодательной, исполнительной и судебной власти, органов местного самоуправления, а также юридических и физических лиц. Основные цели Конституционного суда заключаются в обеспечении верховенства Конституции Азербайджана, защите основных прав и свобод каждого³.

Конституционный суд состоит из 9 судей⁴.

тономной Республики от 29 декабря 1998 года (в ред. 15.11.2011); статьи 1 и 19 Закона Азербайджанской Республики «О судах и судьях» от 10 июня 1997 года № 310-IQ (в ред. 25.04.2017).

¹ Статья 109 Конституции Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года (в ред. 25.07.2016); статья 19 Закона Азербайджанской Республики «О судах и судьях» от 10 июня 1997 года № 310-IQ (в ред. 25.04.2017).

² Официальный сайт Конституционного суда Азербайджанской Республики: <http://www.constcourt.gov.az/>.

³ Статьи 1 и 5 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном суде» от 23 декабря 2003 года № 561-ПQ (в ред. 03.04.2015).

⁴ Статья 130 Конституции Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года (в ред. 25.07.2016); статья 6 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном суде» от 23 декабря 2003 года № 561-ПQ (в ред. 03.04.2015).

Конституционный суд Азербайджана на основе запроса Президента, Милли Меджлиса, *Кабинета Министров Азербайджана*, Верховного Суда, Прокуратуры Азербайджана, *Али Меджлиса Нахчыванской Автономной Республики* решают следующие вопросы¹: о соответствии законов Азербайджана, указов и распоряжений Президента, постановлений Милли Меджлиса, постановлений и распоряжений Кабинета Министров, нормативных правовых актов центральных органов исполнительной власти Конституции Азербайджана; о соответствии указов Президента, постановлений Кабинета Министров, нормативных правовых актов центральных органов исполнительной власти законам Азербайджана; о соответствии постановлений Кабинета Министров и нормативно-правовых актов центральных органов исполнительной власти указам Президента Азербайджана; о соответствии в предусмотренных в законе случаях решений Верховного суда Азербайджанской Республики, Конституции и законам Азербайджана; о соответствии актов муниципалитетов Конституции, законам, указам Президента, постановлениям Кабинета Министров Азербайджана (в Нахчыванской Автономной Республике — также Конституции и законам НАР и постановлениями Кабинета Министров НАР); о соответствии не вступивших в силу межгосударственных договоров Азербайджана Конституции Азербайджана; о соответствии межправительственных договоров Азербайджана Конституции и законам Азербайджана; о соответствии Конституции и законов НАР, постановлений Али Меджлиса НАР, постановлений Кабинета Министров НАР Конституции Азербайджана; о соответствии законов НАР, постановлений Кабинета Министров НАР законам Азербайджана; о соответствии постановлений Кабинета Министров НАР указам Президента и постановлениям Кабинета Мини-

¹ Статья 130 Конституции Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года (в ред. 25.07.2016); статья 6 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном суде» от 23 декабря 2003 года № 561-ІІQ (в ред. 03.04.2015).

стров Азербайджана; о разрешении споров, связанных с разграничением полномочий между законодательной, исполнительной и судебной властями.

Конституционный суд принимает решения по вопросам, относящимся к его полномочиям. Решения Конституционного суда имеют обязательную силу на всей территории Азербайджана.

Конституционный суд рассматривает дела в заседаниях *палат* и *Пленума*. В состав Пленума Конституционного суда входят все судьи этого суда и он полномочен при участии не менее 6 судей. Заседания палат полномочны при участии не менее 3 судей. В заседаниях палат Конституционного суда решается вопрос о принятии к производству запросов, обращений или жалоб относительно вопросов, решение по которым входит в компетенцию суда. В заседаниях Пленума суда рассматриваются по существу принятые к производству Конституционного суда запросы, обращения и жалобы¹.

Для рассмотрения и решения вопросов относительно внутренней деятельности Конституционного суда (например, принятия Внутреннего устава суда, внесения предложения по решению вопроса о досрочном прекращении полномочий судьи) проводятся *Собрания судей Конституционного суда*.

Правовое, организационное, информационное обеспечение деятельности Конституционного суда осуществляет *аппарат Конституционного суда*². А материально-техническое, финансовое и хозяйственное обеспечение деятельности Конституционного суда осуществляет *управление делами Конституционного суда*³.

Организует работу и представляет Конституционный суд *Председатель Конституционного суда*, который назначается из

¹ Статьи 6 и 7 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном суде» от 23 декабря 2003 года № 561-ПQ (в ред. 03.04.2015).

² Статьи 74 и 75 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном суде» от 23 декабря 2003 года № 561-ПQ (в ред. 03.04.2015).

³ Статья 76 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном суде» от 23 декабря 2003 года № 561-ПQ (в ред. 03.04.2015).

состава судей Конституционного суда Президентом Азербайджана¹.

Верховный суд

*Верховный Суд Азербайджанской Республики*² является высшим судебным органом по гражданским делам (в том числе административные и по экономическим спорам), уголовным делам и другим делам, отнесенным к производству общих и специализированных судов. Верховный Суд в качестве суда кассационной инстанции осуществляет правосудие в установленном законом процессуальном порядке, и его юрисдикция распространяется на всю территорию Азербайджана³.

Верховный Суд состоит из *Пленума* и *кассационных коллегий*: гражданская коллегия в составе 17 судей, административно-экономическая коллегия в составе 10 судей, уголовная коллегия в составе 7 судей и военная коллегия в составе 4 судей. Всего по состоянию на сентябрь 2017 года в составе Верховного Суда Азербайджана — 39 судей. В целях правильного применения законов, совершенствования законодательства и подготовки научных предложений при Верховном Суде действует *Научно-консультационный совет*⁴.

Пленум Верховного Суда действует в составе председателя Верховного Суда, его заместителя, председателей коллегий и судей. Пленум созывается не реже одного раза в три месяца. На заседаниях Пленума участвуют председатели апелляцион-

¹ Статья 109 Конституции Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года (в ред. 25.07.2016); статьи 20 и 21 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном суде» от 23 декабря 2003 года № 561-ПQ (в ред. 03.04.2015).

² Официальный сайт Верховного Суда Азербайджанской Республики: <http://supremecourt.gov.az/>

³ Статья 131 Конституции Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года (в ред. 25.07.2016); статья 77 Закона Азербайджанской Республики «О судах и судьях» от 10 июня 1997 года № 310-IQ (в ред. 25.04.2017).

⁴ Статья 78 Закона Азербайджанской Республики «О судах и судьях» от 10 июня 1997 года № 310-IQ (в ред. 25.04.2017).

ных судов, председатель Верховного Суда НАР, Генеральный прокурор Азербайджана и Министр юстиции Азербайджана. На коллегиях Верховного Суда рассматриваются дела по кассационным жалобам и кассационным протестам на решения по делам, рассмотренными: апелляционными судами, Верховным Судом Нахчыванской Автономной Республики, другими общими и специализированными судами¹.

Организует работу и представляет Верховный Суд *Председатель Верховного Суда*, который назначается сроком на 5 лет из числа судей Верховного Суда Президентом Азербайджана².

В целях осуществления юридического, организационного, информационного, материально-технического, финансового и хозяйственного обеспечения деятельности Верховного Суда в нем действует *аппарат Верховного Суда*³.

Апелляционные суды

Апелляционные суды являются судами вышестоящей инстанции по гражданским, административным и экономическим спорам, уголовным делам и делам административных проступков. Организация и место расположения данных судов определяются Президентом Азербайджана, а территориальная юрисдикция — Судебно-правовым советом⁴. К судам этой инстанции принадлежат Верховный Суд Нахчыванской Автономной Республики и иные суды, осуществляющие правосудие в апелляционном порядке:

¹ Статьи 79–81 Закона Азербайджанской Республики «О судах и судьях» от 10 июня 1997 года № 310-IQ (в ред. 25.04.2017).

² Статья 109 Конституции Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года (в ред. 25.07.2016); статьи 83 и 94 Закона Азербайджанской Республики «О судах и судьях» от 10 июня 1997 года № 310-IQ (в ред. 25.04.2017).

³ Статья 88 Закона Азербайджанской Республики «О судах и судьях» от 10 июня 1997 года № 310-IQ (в ред. 25.04.2017).

⁴ Статьи 109 и 132 Конституции Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года (в ред. 25.07.2016); статья 61 Закона Азербайджанской Республики «О судах и судьях» от 10 июня 1997 года № 310-IQ (в ред. 25.04.2017).

Верховный суд Нахчыванской Автономной Республики
*Верховный суд Нахчыванской Автономной Республики*¹ является высшим судебным органом Нахчыванской Автономной Республики. Он имеет двойственную природу:

Во-первых, Верховный суд НАР является *судом апелляционной инстанции* по гражданским, уголовным и другим делам, отнесенным к производству общих и специализированных судов, и осуществляет в процессуальном порядке надзор за работой общих судов. Его юрисдикция распространяется на всю территорию Нахчыванской Автономной Республики².

Во-вторых, Верховный суд НАР *обеспечивает конституционный надзор* в Нахчыванской Автономной Республике. Он на основании запроса высшего должностного лица Нахчыванской Автономной Республики³, Али Меджлиса НАР, Кабинета министров НАР, председателя Верховного суда НАР и Прокуратуры НАР решает следующие вопросы⁴: о соответствии законов НАР, постановлений Али Меджлиса НАР, указов и распоряжений высшего должностного лица НАР, постановлений председателя Али Меджлиса НАР, постановлений и распоряжений Кабинета министров НАР, нормативных правовых актов центральных органов исполнительной власти НАР Конституции Нахчыванской Автономной Республики; о соответствии постановлений Али Меджлиса НАР, указов и распоряжений высшего должностного лица НАР, постановлений председателя Али Меджлиса НАР, распоряжений Кабинета

¹ Официальный сайт Верховного Суда Нахчыванской Автономной Республики: <http://www.supremecourt.nakhchivan.az/>.

² Статья 44 Конституции Нахчыванской Автономной Республики от 29 декабря 1998 года (в ред. 15.11.2011); статья 52 Закона Азербайджанской Республики «О судах и судьях» от 10 июня 1997 года № 310-IQ (в ред. 25.04.2017).

³ Согласно статье 136 Конституции Азербайджана и статье 5 Конституции Нахчыванской Автономной Республики Высшим должностным лицом Нахчыванской Автономной Республики является председатель Али Меджлиса Нахчыванской Автономной Республики.

⁴ Статья 44 Конституции Нахчыванской Автономной Республики от 29 декабря 1998 года (в ред. 15.11.2011).

министров НАР, нормативных правовых актов центральных органов исполнительной власти НАР законам Нахчыванской Автономной Республики; о соответствии постановлений Кабинета министров НАР, нормативных правовых актов центральных органов исполнительной власти НАР указам и распоряжениям высшего должностного лица Нахчыванской Автономной Республики.

В связи с осуществлением конституционного контроля, в Нахчыванской Автономной Республике на акты Верховного Суда НАР, в установленном законом порядке, может быть подана жалоба в Конституционный суд Азербайджана.

Верховный Суд Нахчыванской Автономной Республики состоит из *Президиума, из гражданской коллегии, административно-экономической коллегии, уголовной коллегии и военной коллегии*. Для рассмотрения дел в коллегиях Верховного Суда НАР создаются судебные составы. В состав судей Верховного Суда НАР входят председатель суда, его заместитель, председатели и судьи судебных коллегий. Численность судей Верховного Суда НАР определяется Судебно-правовым советом. Всего по состоянию на сентябрь 2017 года в составе Верховного Суда Нахчыванской Автономной Республики — 11 судей.

Президиум действует в составе председателя суда, его заместителя и председателей коллегий и его заседания проводятся не реже одного раза в три месяца. Коллегии Верховного Суда НАР, как суды апелляционной инстанции, рассматривают дела по апелляционным жалобам и апелляционным протестам на решения по делам, рассмотренным судами первой инстанции, относящимся к территориальной юрисдикции Верховного Суда Нахчыванской Автономной Республики¹.

Руководит организацией работы и представляет Верховный Суд НАР *Председатель Верховного Суда Нахчыванской Автономной Республики*, который назначается сроком на 5 лет из

¹ Статьи 53–56 Закона Азербайджанской Республики «О судах и судьях» от 10 июня 1997 года № 310-IQ (в ред. 25.04.2017).

числа судей Верховного Суда Нахчыванской Автономной Республики Президентом Азербайджана¹.

Финансирование судов

В отдельной статье государственного бюджета Азербайджанской Республики предусматривается выделение средств для финансирования деятельности судов и укрепления их материально-технической базы².

В соответствии с функциональной классификацией бюджетных расходов государственного бюджета Азербайджанской Республики на 2017 год на судебную власть в Азербайджане предусмотрено финансирование в объеме 51 858 829 манатов³. Из этих средств на финансирование Конституционного суда предусмотрено 4 088 332 манатов, на Верховный суд — 7 073 384 манатов, а на апелляционные суды — 11 108 940 манатов.

В соответствии с функциональной классификацией бюджетных расходов государственного бюджета Нахчыванской Автономной Республики на 2017 год на судебную власть в Нахчыванской Автономной Республики предусмотрено финансирование в объеме 3 460 419 манатов⁴. Из этих средств

¹ Статья 109 Конституции Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года (в ред. 25.07.2016); статья 57, 59 и 94 Закона Азербайджанской Республики «О судах и судьях» от 10 июня 1997 года № 310-IQ (в ред. 25.04.2017).

² Статья 70 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном суде» от 23 декабря 2003 года № 561-IIQ (в ред. 03.04.2015); статья 90 Закона Азербайджанской Республики «О судах и судьях» от 10 июня 1997 года № 310-IQ (в ред. 25.04.2017).

³ Статья 8 Закона Азербайджанской Республики «О государственном бюджете Азербайджанской Республики на 2017 год» от 16 декабря 2016 года № 448-VQ (в ред. 16.12.2016); пункт 1 (пп. 1.3.1.) Указа Президента Азербайджанской Республики о применении Закона Азербайджанской Республики «О государственном бюджете Азербайджанской Республики на 2017 год» от 27 декабря 2016 года № 1180 (в ред. 13.07.2017).

⁴ Статья 5 Закона Нахчыванской Автономной Республики «О государственном бюджете Нахчыванской Автономной Республики на 2017 год» от 7 января 2017 года (в ред. 26.07.2017) («Naxçıvan Muxtar Respublikasının 2017-ci il dövlət büdcəsi haqqında» Naxçıvan Muxtar Respublikasının

на финансирование Верховного суда Нахчыванской Автономной Республики предусмотрено 1 502 646 манатов, на Суд Нахчыванской Автономной Республики по тяжким преступлениям — 381 810 манатов, на Административно-экономический суд Нахчыванской Автономной Республики — 245 243 манатов, на Военный суд Нахчыванской Автономной Республики — 342 420 манатов, а на районные (городские) суды Нахчыванской Автономной Республики — 988 300 манатов.

Библиография

1. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года (в ред. 25.07.2016) // Сборник законодательства Азербайджанской Республики от 31 июля 1997 года, № 1
2. Закона Азербайджанской Республики «О судах и судьях» от 10 июня 1997 года № 310-IQ (в ред. 25.04.2017).
3. Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном суде» от 23 декабря 2003 года № 561-IIQ (в ред. 03.04.2015) // Газета «Азербайджан» от 8 января 2004 г., № 5.
4. Конституционный закон Республики Азербайджан «Об утверждении Конституции Нахчыванской Автономной Республики» от 29 декабря 1998 года № 603-I KQ // Собрание Законодательства Азербайджанской Республики, 2011 г., № 12, ст. 1083.
5. Судебные системы Европы и Евразии. Научно-энциклопедическое издание. В 3 т. Т. 3. Евразия. / Под ред. Курбанова Р.А., Гурбанова Р.А. М.: Проспект, 2019. 528 с.

Qanununun, опубликован: газета «Восточные ворота» (ŞƏRQ qəris) от 8 января 2017 года, № 4 (21.665)); пункт 1 (пп. 1.3.1) Постановления Председателя Верховного меджлиса Нахчыванской Автономной Республики о применении Закона Нахчыванской Автономной Республики «О Государственном бюджете Нахчыванской Автономной Республики на 2017 год» (в ред. 26.07.2017) («Naхçivan Muxtar Respublikasının 2017-ci il dövlət büdcəsi haqqında» Naхçivan Muxtar Respublikası Qanununun tətbiqi barədə Naхçivan Muxtar Respublikası Ali Məclisi Sədrinin Fərmanı, опубликовано: газета «Восточные ворота» (ŞƏRQ qəris) от 8 января 2017 года, № 4 (21.665)).

Rashad A. Kurbanov,
*Head of the Department of civil-law disciplines
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Doctor of Law, Professor*

Ramin A. Gurbanov,
*Professor of the Department of civil-law disciplines
of the Plekhanov Russian University of Economics,
President European Commission for the Efficiency of Justice,
Doctor of Law*

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FRAMEWORK JUDICIAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

An independent judiciary is undoubtedly a value of a democratic culture, and the formation of an effective judicial system is of particular importance. The article presents an analysis of the structure and legal foundations of the judicial system of the Republic of Azerbaijan, highlights some issues of the functioning of this institution.

Keywords: Republic of Azerbaijan, judicial power, Constitution, law, court.

*Ульянов Алексей Владимирович,
кандидат юридических наук*

ПАРИЖСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ПО КЛИМАТУ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируются юридические свойства Парижского соглашения по климату, рассматриваемому как источник российского права. Сделан вывод о признании соглашения действующим международным договором, который уступает по силе федеральным законам.

Ключевые слова: международный договор, юридическая сила, принятие, прямое действие, федеральный закон.

С 6 ноября 2019 г. в отношении России вступило в силу Парижское соглашение от 12 декабря 2015 г.¹ — международный договор, известный как Парижское соглашение по климату. Соглашение было принято путем вынесения подзаконного акта — постановления Правительства РФ от 21 сентября 2019 г. № 1228². Избранный органами власти способ выражения согласия России на обязательность этого международно-го договора подразумевает, что Парижское соглашение было принято от имени России по вопросам, которые относятся к компетенции Правительства России (подп. «б» п. 1 ст. 20 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»³), и что оно,

¹ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201911060026>

² СЗ РФ. 2019. №. 39. Ст. 5430.

³ СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

с точки зрения органов власти, не нуждается в ратификации¹.

В качестве действующего международного договора России Парижское соглашение порождает для нее как для стороны права и обязанности, которые подлежат реализации. В соответствии с правилом первого предложения ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.² Россия не может оправдывать неисполнение Парижского соглашения ссылками на положения своего внутринационального права. Развивая принцип *pacta sunt servanda*³, это правило, однако, не имеет своим предметом определение места международного договора в праве государства-участника и потому не способно закрепить соотношение Парижского соглашения с законодательством России. Вопрос о регламентации подобного соотношения является внутренним делом государства-участника и решается по его суверенной воле⁴. Так, относительно российского права применение международного договора регулируется Конституцией РФ⁵.

Из норм ч. 4 ст. 15 Конституции РФ следует, что международные договоры России являются составной частью ее правовой системы (первое предложение) и что если международным договором России установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (второе предложение). На основании толкования этих конституционных норм — в свете единообразной судебной практики и современной правовой доктрины — можно сделать следующие выводы:

1. Вследствие инкорпорации положения Парижского соглашения имеют в системе российского права юридическую

¹ См.: Талалаев А.Н. Право международных договоров. Т. 1. М., 2011. С. 156.

² Ведомости ВС СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

³ См.: Талалаев А.Н. Указ. соч. Т. 2. М., 2011. С. 21–22.

⁴ См.: Международное право / Вольфганг Граф Витцтум [и др.]. М., 2011. С. 127–128.

⁵ Российская газета. 1993. № 237.

силу, формально оставаясь нормами права международного. В дальнейшем толкование Парижского соглашения, его исполнение, изменение и прекращение должны осуществляться, прежде всего, в соответствии с международным правом.

2. Не возлагая на стороны обязательство внести изменения во внутреннее законодательство, нормы Парижского соглашения непосредственно действуют в России. Внутри системы российского права эти нормы распространяются на субъектов российского права — участников экологических, земельных, водных и прочих правоотношений, затрагиваемых предметом соглашения. Так, помимо норм о международном сотрудничестве сторон, в соглашении есть положения, которые по юридическому содержанию достаточно абстрактны, чтобы выйти за пределы одних лишь взаимных обязательств государств и обеспечить условия охраны личных прав. Такие материально-правовые нормы закреплены, например, в ст. 5 об охране поглотителей парниковых газов.

Однако прямое действие некоторых норм соглашения еще не предрешает возможности их непосредственного применения в России. Ни одно положение этого международного договора не предусматривает возникновения притязаний у физических и юридических лиц. Нормы Парижского соглашения вследствие своей неопределенности не могут быть нормативной основой этих притязаний. В отношении притязаний они в состоянии определить условия возникновения — в части уточнения оценочных норм или дефиниций, то есть выполнить функцию вспомогательных норм¹. В связи с этим теоретически сохраняется возможность коллизии между положениями соглашения и нормами законодательства.

3. Наделение норм Парижского соглашения свойством прямого действия в России не является достаточным условием для признания их приоритета над положениями федеральных законов. К необходимым условиям для применения к международному договору правила ч. 4 ст. 15 Конституции

¹ См.: Шапп Я. Система германского гражданского права: учебник. М., 2006. С. 48–51.

России о более высокой юридической силе отнесена ратификация данного договора. Наличие условия о ратификации вытекает из разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики (абз. 6 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»¹) и подтверждено доктриной международного права².

Между тем постановление Правительства РФ о принятии соглашения нельзя приравнивать к акту ратификации, поскольку таковой должен приниматься только в форме федерального закона. Принятие подобного федерального закона является прерогативой законодателя — Федерального Собрания РФ (п. «к» ст. 71, ч. 1 ст. 76, ст. 94, ч. 1 ст. 105, п. «г» ст. 106 Конституции РФ). По Конституции РФ Правительству России не предоставлена регламентарная власть — полномочия принимать правовые акты, имеющие силу закона, по тем вопросам, которые не урегулированы законом и (или) выходят за пределы ограниченной компетенции законодателя. Правовые акты (постановления и распоряжения) принимаются Правительством РФ на основании и во исполнение федеральных законов (ч. 1 ст. 115 Конституции РФ). Соответственно, вынесение Правительством РФ акта об установлении или инкорпорации в российское право норм, равных положениям федеральных законов (и тем более превосходящих их по силе), было бы нарушением принципа разделения властей.

В случае с принятием Парижского соглашения Правительство России не посягнуло на прерогативы законодателя. Предположение об ином поставило бы под сомнение действительность Парижского соглашения как международного договора ввиду нарушения конституционного права, касающегося компетенции заключать такие договоры (ст. 46 Венской конвенции).

¹ Российская газета. 2003. № 244.

² См.: Международное право / Вольфганг Граф Витцтум [и др.]. С. 138.

Таким образом, положения Парижского соглашения прямо действуют в отношении субъектов российского права и создают юридические условия возникновения у них прав и обязанностей, если иное не предусмотрено федеральным законом и (или) не вытекает из указанного соглашения.

Библиографический список

1. Витцтум В.Г. Международное право / Вольфганг Граф Витцтум и др. М.: Инфотропик Медиа, 2011.
2. Талалаев А.Н. Право международных договоров: в 2 т. / А.Н. Талалаев; отв. ред. М.Н. Шестаков. М.: Зерцало, 2011.
3. Шапп Я. Система германского гражданского права: учебник / Я. Шапп. М.: Международные отношения, 2006.

*Aleksej V. Ul'yanov,
PhD in Law*

PARIS CLIMATE AGREEMENT AS AN CONSTITUENT PART OF THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is focused on the analysis of the legal characteristics of the Paris Climate Agreement, considered as a source of Russian law. It is concluded that the agreement is recognized as a valid international treaty, which shall be inferior in force to federal statutes.

Key words: international treaty, legal force, acceptance, direct effect, federal statute.

*Хотько Ольга Александровна,
доцент кафедры экологического и аграрного права
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПО НЕДОПУЩЕНИЮ ГЛОБАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА В СВЕТЕ НАРАСТАЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ВЫБРОСОВ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ ПРИ ТРАНСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Отмечается необходимость разработки на основе научного обоснования правового механизма снижения выбросов парниковых газов при осуществлении транспортной деятельности в контексте ее воздействия на климат для решения эколого-правовых проблем.

Ключевые слова: изменение климата, транспортная деятельность, правовые механизмы.

В настоящее время требует решения экологическая проблема, связанная с глобальным загрязнением атмосферного воздуха, влекущая за собой изменение климата на планете (потепление). Одной из составляющих такого процесса является непрерывная транспортная деятельность, которая развивается все интенсивнее в связи с увеличением количества автомобильного транспорта, а также перевозок иными видами транспорта, в связи с чем постоянно выбрасывается в атмосферу более 30 видов парниковых газов (диоксид углерода, метан и окислы азота, озон, фреон и др.). Соответственно значительными поставщиками парниковых газов являются техногенные процессы, которые оказывают негативное воздействие на состояние экологической безопасности. В то же время моде-

ли развития законодательства в сфере преодоления последствий глобального изменения климата не имеется, что подчеркивается как российскими, так и белорусскими учеными (А.П. Анисимовым, В.Е. Лизгаро).

Как справедливо отмечает С.А. Боголюбов, «разрушенная и деградированная природа в перспективе оплатит сторицей и воздаст должное не только нынешнему, но и будущим поколениям»¹. В современных условиях для соблюдения прав будущих поколений задача в первую очередь ученых — предотвратить развитие экологического кризиса, принять организационные и правовые меры по недопущению глобального изменения климата, в том числе используя зарубежный опыт. Например, в Берлине (ФРГ) с 2018 г. действует Закон «О мобильности», направленный на сокращение выбросов парниковых газов, который предусматривает проектирование улиц в соответствии с принципами безопасности движения Vision Zero, создание новых маршрутов рельсового транспорта и велоинфраструктуры, а также перевод всех коммунальных автобусов к 2030 г. на электродвигатели, которые будут питаться от солнечных и ветряных электростанций². В Швеции введен экологический налог на авиабилеты в зависимости от длины маршрута, тем самым предполагается снижение экологической нагрузки на авиационные перевозки и уменьшение негативного влияния воздушных перевозок на климат. Особое внимание уделяют некоторые страны (Норвегия, Финляндия) электрификации транспорта, осуществляя планомерную работу по совершенствованию электрического транспорта³. Глобальные перспективы развития электрического транспорта

¹ Боголюбов С.А. Правовое воздействие на конкуренцию экономики и экологии / С.А. Боголюбов // Право и экономическая деятельность: современные вызовы: монография / Н.Г. Доронина, Н.Г. Семилютина, Н.М. Казанцев и др.; отв. ред. А.В. Габов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Статут, 2015. С. 328–334.

² URL: <https://grammota.com/avto/zakon-berlin-transport-elektroenergiya>

³ См.: Электромобили — это только начало. URL: <https://bellona.ru/2019/03/21/elektromobili-eto-tolko-nachalo/>

обсуждались на саммите по электротранспорту «Электрическая планета» (Nordic EV Summit Electric Planet), который состоялся в г. Осло (Норвегия) 21 марта 2019 г.

Правовые механизмы по недопущению изменения климата должны быть сформированы и закреплены в законодательстве в силу ряда причин: во-первых, вследствие неурегулированности и нечеткости эколого-правовых требований, предъявляемых к транспортной деятельности; во-вторых, в связи с трансграничным загрязнением окружающей среды транспортными средствами; в-третьих, в связи с отсутствием должного эколого-правового обеспечения транспортной деятельности в рамках документов межгосударственных образований (например, ЕАЭС).

Представляется, что правовые меры, касающиеся снижения выбросов парниковых газов при использовании транспорта, могут быть разработаны либо в рамках экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования, либо путем установления самостоятельных рыночных отношений в данной сфере, которые также имеют определенные преимущества. Кроме того, специалисты в области транспортной отрасли полагают, что необходимо активнее внедрять и развивать общественный транспорт, улучшать велоинфраструктуру в городах, организовывать транспортные процессы, используя интеллектуальные системы управления движением, что может существенно изменить организацию дорожного движения, а следовательно, и количество вредных выбросов парниковых газов. Таким образом, в целом работать над созданием механизмов недопущения изменения климата и их установлением в праве целесообразно комплексно, поскольку при реализации транспортной деятельности неизбежны и проблемы реализации фундаментальных экологических прав человека, что требует грамотных подходов ученых-правоведов, исследующих вопросы охраны окружающей среды и экологической безопасности. В связи с этим эколого-правовые исследования оказываются непосредственно в фокусе внимания при осуществлении транспортных процессов, так как экономическая, экологическая и со-

Правовые механизмы по недопущению глобального изменения климата в свете...

циальная составляющие являются элементами устойчивого развития общества.

Библиографический список

1. Боголюбов С.А. Правовое воздействие на конкуренцию экономики и экологии / С.А. Боголюбов // Право и экономическая деятельность: современные вызовы: монография / Н.Г. Доронина, Н.Г. Семилюткина, Н.М. Казанцев и др.; отв. ред. А.В. Габов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Статут, 2015. С. 328–334.
2. В Берлине приняли закон: до 2030 года все городские автобусы должны перейти на электроэнергию. URL: <https://grammota.com/avto/zakon-berlin-transport-elektroenergiya>
3. Электромобили — это только начало. URL: <https://bellona.ru/2019/03/21/elektromobili-eto-tolko-nachalo/>

Olga A. Khat'ko,
Belarusian State University,
Associate Professor of the Department
of Environmental and Agrarian Law,
PhD (candidate of sciences) in Law, Associate Professor

LEGAL MECHANISMS TO AVOID GLOBAL CLIMATE CHANGE IN THE LIGHT OF THE INCREASING IMPACT OF GREENHOUSE GAS EMISSIONS IN TRANSPORT ACTIVITIES

The author notes the need to develop, on the basis of a scientific justification, a legal mechanism for reducing greenhouse gas emissions in transport activities in the context of its impact on the climate to address environmental and legal problems.

Keywords: climate change, transport, legal mechanisms.

Якимова Екатерина Михайловна,
доцент кафедры правового обеспечения
национальной безопасности
Байкальского государственного университета,
кандидат юридических наук

РАВНОВЕСИЕ СИСТЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК ЦЕННОСТНЫЙ ОРИЕНТИР (НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ)

Рассматривается равновесие системы конституционного регулирования как аксиологический метапринцип правового регулирования и конституционного строительства. На примере конституционного регулирования предпринимательских отношений показывается, что обеспечение равновесия в правовой системе — задача, которая постоянно находится в центре внимания субъектов правотворческой деятельности, правоприменителей, в том числе судебных органов, институтов гражданского общества (в тех странах, где оно успешно функционирует), а также научного сообщества.

Ключевые слова: конституция, предпринимательство, экономическая основа конституционного строя, равновесие.

Одной из основополагающих задач любого государства является способность поддерживать контролируемое положение общественной системы для эффективного функционирования и выполнения государством своих функций. Каждое государство на любом этапе исторического развития с помощью правовых средств стремится обеспечить устойчивость своего раз-

вития путем поддержания баланса, выступающего как одна из правовых ценностей, в системе «общество — государство», а в дальнейшем в связи с развитием экономических отношений производственного типа — в системе «бизнес — общество — государство». В современном мире концепция необходимости поддержания баланса утратила свое значение и эволюционировала в концепцию равновесия, с помощью которой можно более точно и «качественно» описать деятельность государства по поддержанию устойчивости общественной системы. Разрешение парадокса одновременного соблюдения формализма норм права, в том числе конституционных, и идеи справедливости во взаимоотношениях личности и государства с позиции концепции равновесия очень важно для конституционного права. Поиск решения следует проводить с учетом метода компаративистики.

Эволюцию конституционного регулирования экономической системы можно проследить с момента принятия первых формальных конституций. Несмотря на то что конституционно-правовое регулирование осуществлялось и в более ранние периоды существования государства, именно конституционное регулирование позволяет системно рассматривать композицию правового пространства государства, выявить принципы обеспечения стратегического равновесия экономической системы в государстве, поскольку «конституции государств, как и система национальной правовой регуляции в целом, являются порождением своей эпохи, служат отражением актуальной расстановки социальных сил, выступают “экономическим портретом” государства в определенный период жизни политически организованного социума»¹.

Исследуя причины появления обозначенных конституционных актов, можно прийти к выводу, что основной задачей их принятия было обеспечение равновесия общественной си-

¹ Левакин И.В., Юртаева Е.А. «Экономические конституции» в контексте эволюции государств и народов // Genesis: исторические исследования. 2018. № 4. С. 21.

стемы, причем прежде всего в экономической сфере. Так, одной из причин Великой французской революции, приведшей к зарождению европейского конституционализма, часто называют финансовый кризис, который способствовал проведению реформы системы налогообложения, являвшейся одним из требований революционно настроенных народных масс — представителей мелкой, средней и крупной буржуазии, или частных собственников¹.

Анализ первых конституций показал, что сферу предпринимательства конституционные нормы не затрагивали (за исключением Конституции Норвегии 1814 г.), хотя опосредованно через регламентацию отношений в сфере собственности создавалась основа для формирования и развития предпринимательских отношений.

Среди современных конституций можно выделить несколько групп основных законов в рамках типологии моделей конституционного регулирования предпринимательской деятельности.

Во-первых, конституции вообще могут обходить данный вопрос. Причиной этому может являться действие в стране конституции более раннего «поколения», как, например, в США. Таким образом, разработчики конституций могут оставить свободу предпринимательской деятельности без конституционной регламентации, что может быть связано с желанием на данном историческом этапе конституционного строительства сделать конституцию более устойчивой, не акцентировать внимание на дискуссионных аспектах общественной жизни.

Во-вторых, можно выделить конституции, в которых закреплена свобода предпринимательской деятельности и связанные с этим права, хотя следует отметить, что данная свобода не признается абсолютной. В рамках конституционного регулирования возможные ограничения могут быть не обозначены, хотя они подразумеваются в контексте общей теории

¹ См.: McMillan J.F. Twentieth — Century France: politics and society, 1898—1991. London, 2006. P. 87—89.

ограничений прав. В частности, Конституция Индии от 26 ноября 1949 г. разработана с учетом мировой практики конституционного строительства, что обусловило закрепление в ее тексте для всех граждан права практиковать любую профессию, любое занятие, любую торговлю или какую-либо другую предпринимательскую деятельность (ст. 19). Вместе с тем равновесие в Индии до сих пор обеспечивает система каст, поэтому положение Конституции на практике не в полной мере может быть реализовано.

В-третьих, в силу ряда причин (как внутренних, так и внешних) конституции могут презюмировать запрет на предпринимательскую деятельность как на свободную деятельность индивида и коллектива, в их текстах устанавливаются значительные ограничения свободы экономической деятельности, хотя прямо не говорится о наличии такого запрета. В частности, в Конституции КНДР от 27 декабря 1972 г. обозначено, что государству принадлежит ключевая роль в определении направлений экономического развития страны. Вместе с тем согласно ст. 37 «государство поощряет совместное и кооперативное предпринимательство».

Иными словами, в науке конституционного права на современном этапе обострился парадокс одновременного соблюдения формализма норм права и идеи справедливости, что поставило вопрос о необходимости поиска эффективного механизма достижения равновесия в рамках системы «предпринимательское сообщество — общество — государство с использованием средств конституционно-правового регулирования». Равновесие как качественная характеристика системы конституционного регулирования выступает ценностным ориентиром для правотворчества и правоприменения.

Библиографический список

1. Левакин И.В., Юртаева Е.А. «Экономические конституции» в контексте эволюции государств и народов // *Genesis: исторические исследования*. 2018. № 4. С. 20–43.
2. McMillan J.F. *Twentieth — Century France: politics and society, 1898–1991*. London, 2006.

*Ekaterina M. Yakimova,
Baikal State University Associate Professor,
Chair of Legal Support of National Security,
Candidate of Legal Sciences*

**BALANCE OF THE SYSTEM OF CONSTITUTIONAL
REGULATION AS A VALUE REFERENCE
(ON THE EXAMPLE OF CONSTITUTIONAL REGULATION
OF ENTREPRENEURIAL RELATIONS)**

The article considers the balance of the system of constitutional regulation as a value principle of legal regulation and constitutional construction. The example of the constitutional regulation of business relations shows that ensuring a balance in the legal system is an enduring task that is constantly the focus of attention of law-making actors, law enforcement agencies, including the judiciary, civil society institutions (in those countries where it works successfully), as well as the scientific community.

Key words: constitution, entrepreneurship, economic basis of constitutional order, balance.

*Грачева Светлана Александровна,
старший научный сотрудник
Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук*

О КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕЕ ПРЯМОГО ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ЕЕ «ЦЕННОСТНОМ» ПРОЯВЛЕНИИ

Обосновывается исследование проблемы прямого применения международного права не только с позиции содержания действий по обращению к принятым международно-договорным нормам. Основной акцент сделан на общепризнанных принципах и нормах международного права, внимание к которым (с учетом их доктринально-правовой трактовки) позволяет определять прямое применение международного права в качестве конституционной идеи, предполагающей также первичность вопроса об особой приоритетности международных норм в сфере прав человека и о роли «общих принципов права» в правовой системе.

Ключевые слова: международное право, прямое применение, Конституция, аксиологический подход.

Прямое применение международного права как конституционная идея. Осуществление положений международного права в национальной правовой системе обозначается различными категориями, среди них определяющие общие пути восприятия международного права (его взаимосвязи с национальным правом)¹ и ориентированные на конкретную характеристику

¹ В их числе в отечественной международно-правовой доктрине выделяют, в частности, трансформацию, инкорпорацию, имплементацию международного права и др.

его воплощения. Среди последних по распространению (востребованности) наиболее заметна идея (категория) прямого применения — рассматриваемая в основном как «особая форма внутренних последствий» положений международного права¹.

Такие последствия чаще всего предполагаются следующими после определения статуса международно-правовых положений в национальном праве, осуществления внутренних действий по их признанию. Первично они связываются с проблематикой норм международного права и их соблюдения с учетом принципа *pacta sunt servanda*. По этой причине прямое применение международного права соотносится преимущественно с темой предполагаемых в рамках такого применения действий, как, например, «правильное (неправильное) применение норм международного права» (как было обозначено Верховным Судом РФ в 2003 г.²). При этом тема «правовых оснований и объектов» такого применения помимо собственно международных норм, содержащихся в международных договорах, его последствий ожидаемо либо выражена неопределенно, либо отходит на второй план как неочевидная.

В то же время закономерен вопрос, который обозначается конституционными режимами оценки международного права (в том числе по Конституции РФ): достаточно ли нормативно-договорного внимания к проблеме применения международного права?

Такой вопрос по меньшей мере напрашивается в связи с конституционным обозначением общепризнанных принципов и норм международного права, выделенных (расположенных) не только наряду, но и первоочередно по отношению к

¹ См., в частности: Marc J. Bossuyt. The direct applicability of international instruments on human rights (with special reference to Belgian and U.S. law). URL: <http://rbdi.bruiant.be/public/modele/rbdi/content/files/RBDI%201980/RBDI%201980-2/Etudes/RBDI%201980.2%20-%20pp.%20317%20%С3%A0%20344%20-%20Marc%20Bossuyt.pdf>

² См. п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

международным договорам Российской Федерации и предполагающих в силу факта «общей признанности» принятие их юридического значения и, соответственно, применимость в национальном праве.

По этой причине в большей мере можно вести речь о конституционной идее прямого применения международного права как позволяющей такое применение связывать с выполнением не только и не столько международных договорных обязательств, сколько более «общих обязательств» по международному праву. Отметим, что легитимность последних в национальной правовой практике по смыслу названного конституционного обозначения не измеряется необходимостью реализации внутренних процедур признания. Значение идеи прямого применения общепризнанных принципов и норм международного права как конституционной определяется также следующим: в отличие от нормативных положений для принципов важен не столько характер конкретных правовых последствий действия, сколько выражение ими «способа юридической связанности», когда «от принципа отклонение недопустимо, в то время как от нормы, очевидно, отклонение допускается»¹. Это и дает скорее монистический, нежели дуалистический взгляд доктрины на значение международного права во взаимосвязи с национальным, в то время как проблематика международных договоров в основном «дуалистична» с точки зрения такой взаимосвязи.

Конституция РФ не содержит прямых указаний на методы выявления и способы установления содержания общепризнанных принципов и норм международного права, что само по себе предполагает достаточно широкую дискрецию при обращении к ним². В силу их конституционно признанной

¹ Амирова М.А. Понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права» в целях применения для защиты прав человека в Российской Федерации // Международное публичное и частное право. 2006. № 4.

² См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., пересмотр. / под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011.

связи со сферой прав человека, а также с учетом их практического «прочтения» в свете действующих обязательств (нередко рассматриваемых как «объективные»¹) тема «конституционной применимости» требует внимания.

Положение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и его «буквальная» трактовка в связи с идеей прямого применения международного права. Конституция РФ о *непосредственном* применении международного права понятийно не сообщает, однако эта идея часто выводится в связи с положением ее ч. 4 ст. 15, согласно которой «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то *применяются* правила международного договора». Его буквальное прочтение дает первично представление о необходимости применения правил (норм) международного договора Российской Федерации. При этом с соответствующим «приоритетом применения» принято связывать установление возможности непосредственного обращения субъектов национальных правоотношений к нормам международного права (прежде всего, в их договорном значении)², тем более что эта идея получает законодательное отражение.

Согласно п. 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно; для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются

¹ См., например, постановление ЕСПЧ от 4 февраля 2005 г. «Маматкулов и Аскарлов против Турции» (Mamatkulov and Askarov v. Turkey), жалобы № 46827/99 и 46951/99.

² См.: Осминин Б.И. Место международных договоров Российской Федерации в национальной правовой системе и принцип *pacta sunt servanda* // Юрист-международник. 2006. № 4; Глотова С.В. Юридические предпосылки применения норм международного права в российской правовой системе (на примере уголовной ответственности за преступления по международному праву) // Российский юридический журнал. 2015. № 6.

соответствующие правовые акты. Очевидно и то, что прямое применение международных договоров определено условиями (требованиями) их принятия в Российской Федерации. Ограничение возможности их «конституционной» приоритетности по отношению к федеральным законам также обусловлено тем, что предполагают такую приоритетность только в том случае, если согласие на их обязательность было принято в форме федерального закона¹.

Такая «условность» прямого применения международных договоров как таковых в сочетании с отсутствием закрепления данной идеи в нормах Конституции РФ вряд ли позволяет рассматривать в этой части прямое применение международного права как своего рода конституционную идею. Примечательно также, что по тексту федерального закона о международных договорах в основном звучит применительно к ним категория «выполнения» (не применения).

Обращаясь к вопросу общепризнанных принципов и норм международного права, их применения (предполагаемого ч. 4 ст. 15 Конституции РФ при признании их составной частью российской правовой системы и без «оговорок» о взаимосвязи с национальными законами), нельзя не отметить его в целом неразрешенный и противоречивый характер рассмотрения в отечественной правовой практике.

Основным свидетельством этому является постановление Верховного Суда РФ 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Данное постановление, являясь важным достижением в определении параметров реализации положений международного права национальными судами, в основном дает представление о применении принятых Россией международных договоров, в то же время практически не развивая идею значения и применения общепризнанных принципов и норм международного права.

¹ См. п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5.

Во-первых, по данному постановлению «общепризнанные принципы и нормы международного права», получив терминологическое разграничение («общепризнанные принципы» и «общепризнанные нормы» международного права), были рассмотрены одинаково в нормативном ключе (п. 1). Так, под общепризнанными принципами международного права предложено понимать «основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо», при этом очевидна попытка дать им нормативную расшифровку — через указание конкретных принципов, а также документов (ООН и ее специализированных учреждений), в которых они могут содержаться. Обратим внимание на то, что отдельные ученые выражали сомнение в «юридической корректности [такой] методики различения»¹.

Во-вторых, после упоминания общепризнанных принципов и норм международного права в связи с темой их «неправильного применения» (п. 9) далее (по тексту данного пункта) речь идет только о нормах международного права, которые по смыслу всего постановления оцениваются как имеющие международно-договорное происхождение.

«Нормативно-договорная» концепция применения международного права получила воплощение в процессуальном законодательстве: в связи с положениями о применимом праве при разрешении судами дел в соответствующих кодексах приводятся только международные договоры Российской Федерации. При этом общепризнанные принципы и нормы международного права (наряду с Конституцией РФ, международными договорами Российской Федерации) упоминаются отдельно — как основания для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора (Президиумом Верховного Суда РФ) в случае, если ими нарушаются права и свободы человека и гражданина, гарантированные указанными актами.

¹ Игнатенко Г.В. Международное право и внутригосударственное право: проблемы сопряженности и взаимодействия: сборник научных публикаций за сорок лет (1972–2011 годы) / Г.В. Игнатенко. М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. С. 359–360.

Соответственно, понятны доктринальные попытки оценивать положение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ как определяющее составной частью правовой системы международное право, проистекающее, прежде всего, из его «договорных» источников¹.

Конституционные основания аксиологической характеристики прямого применения международного права. Как отмечалось выше, в связи с положениями Конституции РФ трактовка прямого применения международного права вряд ли может исчерпываться проблематикой международных договоров Российской Федерации, что следует уже из «буквального» внимания к ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

При этом важно, что *взгляд на категорию общепризнанных принципов и норм международного права по Конституции РФ не ограничивается только положением ч. 4 ст. 15*, то есть в его «источниковом» понимании (обусловленном, прежде всего, целями определения конституционной модели включения источников международного права в национальное право). Его взаимосвязь с другими положениями Конституции РФ, содержащими характеристику этой категории, позволяет обнаружить в большей мере аксиологический ракурс идеи прямого применения международного права, который, однако, кажется менее осязаемым с точки зрения рассмотрения данной идеи в ее более обыденном понимании².

Прежде всего, укажем, что по Конституции РФ отчетливо устанавливается *связь общепризнанных принципов и норм международного права с ценностной основой самой Конституции*.

¹ См., например: Мяснянкин В.Н. Проблемы прямого применения международного права в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

² Например, сама проблема применения международных договорных норм в силу фактора международных судов, исполнения их судебных решений, уже не может рассматриваться только в плоскости сложившихся представлений о соблюдении (compliance) государствами норм международного права. См., например: Исполинов А.С. Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие. 2017. № 1.

Это заметно по указанию (ч. 1 ст. 17, ч. 1 ст. 55) на их первоочередное значение для признания и гарантирования прав и свобод, единственно провозглашаемых высшей ценностью (ст. 2) и непосредственно действующих (ст. 18). В связи с этим сферу основных прав и свобод человека принято рассматривать как определяемую и гарантированную не только Конституцией РФ, но и общепризнанными принципами и нормами международного права. Заметим, что в конституционных текстах отдельных государств можно встретить прямое указание на то, что «общепризнанные нормы международного права порождают непосредственно права и обязанности для проживающих на [их] территории... лиц» (ст. 25 Основного Закона ФРГ).

По этой причине международные договоры Российской Федерации в области прав и свобод принято рассматривать по их значению в соотнесении с общепризнанными принципами и нормами международного права¹. В целом внимание к особому значению международного права в области прав и свобод человека и его соответствующей применимости, ее конституционной природе, вполне можно полагать повсеместно воспринятой (и в практике зарубежного конституционализма) традицией конституционного регулирования.

Менее замечаемым, но от этого не менее важным является выделение по тексту Конституции РФ идеи общепризнанных принципов как таковой без привязки к «источниковой» регуляции (нормам международного права). Так, категория «общепризнанные принципы» звучит сама по себе в преамбуле Конституции РФ, также встречается понятие «общепризнанные права и свободы» (частью которых признаются конституционные провозглашенные права (ч. 1 ст. 55)). В связи с этим можно провести параллель с различием общих принципов права

¹ Report “The Direct applicability of human rights treaties” (by Ms Eliska Wagnerova). Unidem Seminar «The status of international treaties on human rights». Strasbourg, 7 September 2005. cdl-ud(2005)012rep. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cdl-ud\(2005\)012rep-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cdl-ud(2005)012rep-e)

по отношению к основным (императивным) нормам международного права (*jus cogens*), традиционно оцениваемым в доктрине международного права как понятия «несовпадающие»¹. Такой подход (к «различению» названных правовых конструкций/явлений) — данность не только российской Конституции, но также нередко встречается в текстах других конституций (Германия, Италия, Словакия и др.).

По этой причине отдельного внимания могла бы требовать проблема общих принципов права (как «наиболее основных положений международного обычного права»², «источника норм *jus cogens*»³), их международно-правовой природы, роли в обеспечении правоотношений, в том числе с позиции их «освоения» в судебном правоприменении.

Выводы. Полагаем, что саму идею прямого применения международного права, проистекающую из Конституции РФ, следует рассматривать как предоставляющую широкие возможности обращения к международному праву, в том числе по применению положений международного права «общего и объективного» порядка. Это позволяет обеспечивать то взаимодействие международного и внутригосударственного права, посредством которого «происходит согласование норм указанных систем, и проявляется их социальная ценность», что позволяет «нормативной системе обеспечивать достижение целей, ради которых создается эта система в виде части правового порядка»⁴.

¹ Корецкий В.М. «Общие принципы права» в международном праве. Киев, 1957. С. 4. См. также: Тункин Г.И. Теория международного права / под общ. ред. Л.Н. Шестакова М.: Зерцало. С. 167–180.

² Цит. по: Нефедов Б.И. Принципы в международном праве: терминология // Московский журнал международного права. 2019. № 1.

³ International Law Commission. First report on *jus cogens* by Dire Tladi, Special Rapporteur. UN Doc. A/CN.4/693. P. 23–26. URL: <http://legal.un.org/docs/index.asp?symbol=A/CN.4/693&referer=http://legal.un.org/ilc/sessions/68/&Lang=R>

⁴ Тиунов О.И. Решения Конституционного Суда РФ и международное право // Российская юстиция. 2001. № 10.

Библиографический список

1. Амирова М.А. Понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права» в целях применения для защиты прав человека в Российской Федерации // Международное публичное и частное право. 2006. № 4.
2. Глотова С.В. Юридические предпосылки применения норм международного права в российской правовой системе (на примере уголовной ответственности за преступления по международному праву) // Российский юридический журнал. 2015. № 6.
3. Игнатенко Г.В. Международное право и внутригосударственное право: проблемы сопряженности и взаимодействия: сборник научных публикаций за сорок лет (1972–2011 годы) / Г.В. Игнатенко. М.: Норма; ИНФРА-М, 2012.
4. Исполинов А.С. Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие. 2017. № 1.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., пересмотр. / под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011.
6. Корецкий В.М. «Общие принципы права» в международном праве. Киев, 1957.
7. Мяснянкин В.Н. Проблемы прямого применения международного права в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
8. Нефедов Б.И. Принципы в международном праве: терминология // Московский журнал международного права. 2019. № 1.
9. Осминин Б.И. Место международных договоров Российской Федерации в национальной правовой системе и принцип *pacta sunt servanda* // Юрист-международник. 2006. № 4.
10. Тиунов О.И. Решения Конституционного Суда РФ и международное право // Российская юстиция. 2001. № 10.
11. Тункин Г.И. Теория международного права / под общ. ред. Л.Н. Шестакова. М.: Зерцало, 2000.
12. Report “The Direct applicability of human rights treaties” (by Ms Eliska Wagnerova). Unidem Seminar «The status of international treaties on human rights». Strasbourg, 7 September 2005. cdl-ud(2005)012rep. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cdl-ud\(2005\)012rep-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cdl-ud(2005)012rep-e)
13. Bossuyt Marc J. The direct applicability of international instruments on human rights (with special reference to Belgian and U.S. law). URL: <http://rbdi.bruylant.be/public/modele/rbdi/content/files/RBDI%201980/RBDI%201980-2/Etudes/RBDI%201980.2%20-%20pp.%20317%20%20C3%A0%20344%20-%20Marc%20Bossuyt.pdf>

14. International Law Commission. First report on jus cogens by Dire Tladi, Special Rapporteur. UN Doc. A/CN.4/693. P. 23–26. URL: [http://legal.un.org/docs/index.asp?symbol= A/CN.4/693& referer=http://legal.un.org/ilc/ sessions/68/&Lang=R](http://legal.un.org/docs/index.asp?symbol=A/CN.4/693&referer=http://legal.un.org/ilc/sessions/68/&Lang=R)

Svetlana A. Gracheva,

*The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Senior researcher*

THE CONSTITUTIONAL IDEA OF THE DIRECT APPLICATION OF THE INTERNATIONAL LAW

The article emphasizes the importance of considering of the direct application of international law not only from the standpoint of the content of actions to comply to the international treaty norms adopted by the Russian Federation. The main emphasis is placed on universally recognized principles and norms of international law. Attention to them allows us to turn to the direct application of international law as a constitutional idea that also implies the matters of the special priority of the human rights international law and the role of the general principles of law in national legal system.

Keywords: international law, direct application, Constitution, axiological approach.

*Дюсюпова Алмагуль Дауткановна,
старший специалист отдела магистратуры
Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук*

ЦЕННОСТИ В ПРАВЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В АГРАРНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

На примере аграрной политики России второй половины XIX — начала XX в. обосновываются последовательные правовые механизмы претворения в жизнь экономических преобразований в области аграрных отношений. Главный смысл проводимой в Российской Федерации аграрной реформы — снять препятствия на пути реализации объективных законов развития экономики в новых условиях.

Ключевые слова: аграрная политика пореформенной России, крестьянская община, разрушение общины, земельный правовой порядок, аграрное законодательство, аграрные отношения.

Пореформенный период рубежа XIX–XX вв. представляет собой важную веху в истории Российского государства. С середины XIX — начала XX в. в юридической литературе не прекращалась дискуссия о понятии права и его системе, причем велась она в том числе по поводу места правоотношения в определении понятия права.

Правоотношение — это правовой феномен, имеющий универсальные свойства и требующий универсального анализа. Этот подход позволил выделить в системе правоотношений общие, конкретные, регулятивные и др. Отношения, не урегулированные нормами права, не порождают юридически значимых последствий.

Активная государственная политика в направлении решения крестьянского вопроса в середине XIX — начале XX в. вызвала всплеск исследовательского интереса к проблемам обычного права. В работах дореволюционных отечественных ученых-правоведов и экономистов, например К.Д. Кавелина, М.М. Ковалевского, Н.М. Коркунова, Н.И. Лазаревского, А.А. Леонтьева, П.Н. Милюкова, М.М. Сперанского, А.Н. Филиппова, Б.Н. Чичерина, А.И. Чупрова, Г.Ф. Шершеневича, Г.В. Плеханова, О.А. Хауке, А.В. Чаянова, А. Постникова, В.П. Воронцова, К.Р. Качоровского, А.А. Кауфмана, проблемы правовой политики в сфере аграрного хозяйства и методов модернизации аграрных отношений в Российской империи второй половины XIX — начала XX в. рассматривались в контексте философско-правовых, теоретико-правовых и историко-правовых исследований.

Одним из спорных вопросов в середине XIX в. стало происхождение современной русской поземельной общины. А.А. Кауфман, автор работ по вопросам землепользования и землевладения в Сибири, крестьянской общины и переселенческой политики в России, отмечает, что в обществе высказываются две диаметрально противоположные позиции: одни считают, что принятая у русских крестьян система равного дележа земли основана на первоначальной идее единства общины и равенства прав каждого члена на соответствующую долю земли, принадлежащей общине (Гакстгаузен, Аксаков, Беляев); другие полагают, что первобытная община на Руси была бесповоротно и бесследно разрушена вторжением новых стихий, разложивших патриархальные родственные отношения, и что современная русская община «не образовалась сама собою из естественного союза людей, а устроена правительством под непосредственным влиянием государственных начал» (Чичерин)¹.

Таким образом, по мнению А.А. Кауфмана, сторонники общины утверждают, что община с характерными для нее уравнительными формами землевладения является продуктом само-

¹ См. подробнее: Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908. С. 408.

стоятельного народного творчества, что она имеет свои достаточно глубокие корни. Вторая позиция основывается на том, что община, в частности русская, навязана крестьянству извне, что она — продукт помещичьего и чиновничьего давления. «Я оставляю совершенно в стороне вопрос, были ли или нет в XVI, XVII столетии переделы пахотных земель; существовали ли в то время или нет ежегодные переделы сенокосных угодий; как происходил — если происходил — независимый от административного воздействия переход от захватных форм к общинно-уравнительным и какое место в естественном процессе развития форм землепользования должно быть отведено долевым или складнической форме владения, так хорошо изученной, по документам у крестьян архангельского и вологодского полесья»¹.

При отсутствии документов можно предположить, что без каких-либо определенных требований закона при поголовной безграмотности передел пахотных земель происходил, вероятно, по ничем не оформленному соглашению общественников. А.А. Кауфман приходит к заключению, что «эволюция форм крестьянского землевладения и землепользования в прошлом не могла быть продуктом административного воздействия; что оно могло, в известных случаях, только ускорять естественную эволюцию, но не в состоянии было навязать крестьянской жизни чуждые и нежелательные ей формы»².

Реформа 1861 г. упразднила крепостные отношения по каждому имению и поместью. Каждый помещик отводил надел своим крестьянам из своих земель, и за этот надел крестьяне обязывались нести определенные повинности. Размер надела и повинностей зависел в первую очередь от фактического (до реформы) землепользования крестьян в данном имении, затем от соглашения между помещиком и крестьянином. Поэтому случалось, что крестьяне двух соседних имений, находящихся в совершенно одинаковых хозяйственных условиях, получали весьма различные наделы и за разную цену. Операция выкупа наделов также производилась по поместьям.

¹ Кауфман А.А. Указ. соч. С. 436.

² Там же. С. 439.

Выкупная сумма исчислялась по каждому отдельному имению и подлежала выплате помещику этого имения.

Поместное начало, то есть устройство крестьян по отдельным поместьям, являлось одним из принципов крестьянской реформы 1861 г., оно должно было иметь особое значение и при распределении вышедшего на волю крестьянства по обществам. Вместе с тем на практике решение этой задачи представляло значительные трудности. Поместья сильно различались между собой по размерам, по численности приписанных к ним крестьян и селений, по строю землевладения. В губерниях преобладала общинно-передельная форма землепользования. При этом встречались поместья, в которых имелось несколько общин или совершенно обособленных, или связанных между собой общностью пользования только вспомогательными угодьями — лесом, сенокосом, но с обособленными пахотными землями.

В районах подворного землепользования также существовала группировка крестьян по признакам общности землепользования (обязательный севооборот, общий выпас по пару и жнивью, общее пользование второстепенными угодьями). Группировка крестьян по общности землепользования не всегда совпадала с их группировкой по селениям. Многие селения были связаны между собой общими земельными интересами, а некоторые объединялись в одну земельную общину.

При разработке вопроса об общественной организации крестьян законодатели 1861 г. остановились на коренном различии организации судебно-административной и организации земельной. Первой организации было присвоено наименование волости, а поземельные общины были названы мирскими обществами или сельскими обществами. Но эта строгая схема впоследствии подверглась существенным изменениям. Сельским обществам были переданы многие административные полномочия, относившиеся первоначально к волости: воинская повинность, удаление порочных членов и т.д.

Таким образом, сельское общество стало сложной общественной организацией, охватывающей крестьян одного поместья, основными задачами которой являлись следующие:

1) посредничество между помещиками и крестьянами; 2) заведывание всеми делами, возникающими из совместного землепользования; 3) выполнение полицейских функций общественного благоустройства.

А.А. Леонтьев (правовед, исследователь крестьянского права) впервые проанализировал правовые особенности в сфере общественного устройства государственных крестьян¹. Автор отметил, что в системе местного управления крестьянство представляет собой буквально «государство в государстве». Сословная организация их «самоуправления», во многом являющаяся полной противоположностью идее истинного самоуправления, замкнутая и тщательно изолированная от других классов населения, подчиненная организации специального начальства, облеченного властью вмешиваться во все отрасли деятельности органов самоуправления и опекать их, противоречит требованиям нормального государственного строя, идее гражданского равноправия и нуждам самого крестьянства.

А.А. Леонтьев утверждает, что значительный шаг к объединению в административном отношении государственных крестьян разных наименований был сделан в 1838 г. (в реформе непосредственное участие принял граф Киселев, министр государственных имуществ). В отношении прав на землю многочисленные группы государственных крестьян разнились между собой довольно значительно в зависимости от исторически сложившихся условий их землепользования.

Вслед за обнаружением Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, от 19 февраля 1861 г. Прави-

¹ См. подробнее: Леонтьев А.А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах: монография. СПб., 1914. С. 55. Организация управления государственных крестьян оказывала довольно сильное влияние на реформу 1861 г. и дальнейшую практику крестьянского дела. Об организации управления государственных крестьян правительство начинает заботиться со времен Екатерины II, издавшей Установление о сельском порядке в казенных имениях Екатеринославского наместничества, которое впоследствии повлияло на образование управления государственных крестьян вообще.

тельство Российской империи признало необходимым реорганизовать на новых началах земельное и общественное устройство и государственных крестьян. Законом от 24 ноября 1866 г. началась реформа государственных крестьян. За ними сохранялись все земли, находящиеся в их пользовании. По Закону от 12 июня 1886 г. государственные крестьяне были переведены на выкуп. По собственному желанию крестьянин мог либо продолжать платить оброк государству, либо заключить с ним выкупную сделку. Средний размер надела государственного крестьянина составлял 5,9 десятин.

Например, свободные хлебопашцы это единственный разряд государственных крестьян во внутренних губерниях России, который удержал за собой право собственности на землю и поэтому был свободен от оброка, а затем и от выкупа¹.

Таким образом, «общинная модель крестьянской свободы, распространенная после 19 февраля 1861 г. на все российское крестьянство, впервые подверглась серьезной трансформации только в аграрных законах 1906–1911 гг., благодаря которым, хотя и с отсрочкой на полвека, общество получило импульс к созданию новых для него институтов, давно известных многим государствам Западной Европы.

9 ноября 1906 г., не дожидаясь созыва II Думы, П.А. Столыпин царским указом провел отмену закона 1893 г. о непри-

¹ Свободные хлебопашцы впервые образовались действием Закона от 20 февраля 1803 г. из крестьян, освобожденных помещиками от крепостной зависимости с землей. Помещикам разрешалось увольнять крестьян с землей по договору, который мог быть заключен на условиях, указанных в законе, — или получив за землю договорную сумму, или рассрочив ее на определенное число лет. При этом закон вменял в обязанность помещикам при продаже земли увольняемым крестьянам не лишать земли тех крестьян, которые продолжали оставаться его крепостными. Это условие заслуживает внимания как проявление взгляда законодателя на право крепостных крестьян владеть помещичьей землей. Согласно закону при увольнении крестьянину отводился участок земли с выдачей плана на него. Увольнение из крепостного состояния рассматривалось не как личное дело договаривающихся сторон — крестьян и помещика, а как дело государственного значения. См. подробнее: Леонтьев А.А. Указ. соч. С. 207.

косновенности общины и положил начало аграрной реформе, которая проводилась под его прямым руководством»¹.

Важными инструментами разрушения общины и насаждения мелкой личной собственности были деятельность Крестьянского банка и переселение. Еще в августе 1906 г. банку для продажи крестьянам были переданы удельные земли и часть казенных земель. Но свой главный земельный фонд банк создал за счет скупки помещичьих земель, которые он потом дробил и продавал как отдельным крестьянам, так и различным земельным объединениям².

Профессор Московского университета А.И. Чупров придавал первостепенное значение крестьянскому вопросу, неоднократно выступал в печати с острыми публикациями, возглавлял народническое течение буржуазной экономической мысли, которое признавало необходимым проведение аграрных преобразований при сохранении помещичьего землевладения, с одной стороны, и крестьянской общины — с другой. Ученый отмечал, что «когда заходит речь о богатстве страны, всегда нужно помнить, что оно не падает с неба, не производится в канцеляриях, а создается трудом тех миллионов хозяйств, из которых состоит нация. Если этот труд прилагается бодро и умело, народ богатеет; но если под какими-либо несчастными влияниями энергия труда ослабевает, если меньше прибавляется с ростом потребностей, то постепенно подкрадывается обеднение, за которым рано или поздно наступает настоящая народная нищета... Указ 9-го ноября 1906 г. о выделе крестьян из общины есть резкий вызов русскому народу»³. Профессор был глубоко убежден в необходимости частичных аграрных

¹ Дюсюпова А.Д. Аграрные правоотношения // Правоотношения в современной правовой реальности: традиционные подходы и новые концепции: монография / под ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 182.

² См.: Дюсюпова А.Д. Государственное регулирование сельского хозяйства России и Казахстана: историко-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. 2012. № 8 (51). С. 52–57.

³ Чупров А.И. Крестьянский вопрос. Статьи 1900–1908 годов. М., 1909. С. 253.

преобразований — улучшении культуры землевладения, организации кустарных артелей и других государственных мероприятий, не затрагивающих основ общинного землевладения.

Академик П.П. Маслов (аграрник, экономист) выступал против ленинской программы национализации земли. На IV Съезде РСДРП в 1906 г. он выдвинул меньшевистскую программу муниципализации земли¹. Ученый отстаивал и аргументировал реорганизацию местного самоуправления на демократических началах как одну из настоятельных потребностей современной жизни. Переход части земли в распоряжение местного самоуправления решил главный вопрос: кто пользуется землей, тот и платит. Бесхозный городской и деревенский житель не может платить ренту, поэтому не может пользоваться землей. П.П. Маслов активно отстаивал сохранение мелкого частного землевладения крестьян, при этом помещичьи земли должны были отчуждаться — выкупаться и затем поступать в распоряжение муниципалитетов (земств). Иными словами, программа П.П. Маслова была рассчитана на реформы без свержения самодержавия².

Таким образом, субъективные сложности аграрных правоотношений в России во второй половине XIX — начале XX в. связаны с многочисленными социально-экономическими потрясениями (разрушение крестьянской общины, войны, массовая коллективизация, ликвидация индивидуального крестьянского хозяйства и др.), которые не могли не привести к изменению характера аграрной правовой политики Российского государства рубежа XIX–XX вв.

Библиографический список

1. Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1908.
2. Леонтьев А.А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах: монография. СПб.: Типография Ивана Ивановича Зубкова, 1914.

¹ См.: Маслов П.П. Аграрный вопрос в России (условия развития капиталистического хозяйства в России). СПб., 1905. С. 2.

² См.: Дюсюпова А.Д. Аграрные правоотношения. С. 178.

Дюсюпова Алмагуль Дауткановна

3. Дюсюпова А.Д. Аграрные правоотношения // Правоотношения в современной правовой реальности: традиционные подходы и новые концепции: монография / под ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2019.
4. Дюсюпова А.Д. Государственное регулирование сельского хозяйства России и Казахстана: историко-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. 2012. № 8 (51).
5. Чупров А.И. Крестьянский вопрос. Статьи 1900–1908 годов. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1909.
6. Маслов П.П. Аграрный вопрос в России (условия развития капиталистического хозяйства в России). СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1905.

Dyussyupova Almagul Dautkanovna,
PhD in Law,
senior specialist of the master's Department
of the Institute of legislation and comparative law
under the Government of the Russian Federation

**VALUES IN LAW AND THEIR REFLECTION
IN THE AGRARIAN LEGISLATION OF RUSSIA
IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH
AND EARLY TWENTIETH CENTURIES**

In the article, the author based on the example of Russia's agrarian policy of the second half of the 19th — early 20th centuries, substantiates the consistent legal mechanisms for implementing economic transformations in the field of agrarian relations. The main point of the agrarian reform in the Russian Federation is to remove obstacles to the implementation of objective laws of economic development in the new conditions. Equality and mutual responsibility of the state and other participants in public relations are the main criteria for the recognition of the state as legal.

Keywords: agrarian policy of post-reform Russia, peasant community, community destruction, land law and order, agrarian legislation, agrarian relations.

*Бегичева Елена Вячеславовна,
старший преподаватель ФГБОУ ВО
«МИРЭА — Российский
технологический университет»,
судья в отставке*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Рассматриваются актуальные вопросы использования цифровых технологий в судах общей юрисдикции. Выявлены положительные и отрицательные аспекты их применения, а также перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова: электронное правосудие, суды общей юрисдикции.

Информационные технологии имплементированы в повседневную жизнь современного человека, что ознаменовало переход к информационному обществу, цифровой экономике, электронному государству. В этих условиях процесс всеобщей цифровизации не мог не затронуть такую важную сферу государственной деятельности, как осуществление правосудия. Внедрение цифровых технологий во все сферы — важнейшее условие прорывного развития страны. Это подчеркнул Президент России В.В. Путин в ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ¹. Так, важность участия судебной системы в процессе цифровизации страны не вызывает сомнений, а осуществляющаяся на данном этапе работа по технической модернизации судов связана с реализацией национальной программы по цифровой экономике.

¹ Российская газета. 2019. № 38.

Особое внимание в США, странах Евросоюза, Японии и Китае уделяется использованию цифровых технологий, искусственного интеллекта в юриспруденции, в частности в правосудии¹.

Российская система судов общей юрисдикции все еще недостаточно интегрирует последние достижения в области цифровых технологий и сетевых коммуникаций в судебное делопроизводство, что обуславливает технологическое отставание российских судов и их несоответствие потребностям современного общества, которое максимально широко использует цифровые технологии.

Так, действует постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», которая предусматривает внедрение в судебную систему множества современных цифровых технологий, повышающих качество правосудия в целом².

В связи с этим следует отметить наличие понятия «электронное правосудие», которое приводится в п. 1.3 Концепции развития информатизации судов до 2020 года, утвержденной постановлением Президиума Совета судей РФ от 19 февраля 2015 г. № 439. Так, электронное правосудие представляет собой способ и форму осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, которые основаны на использовании информационных технологий в деятельности судов, в том числе для взаимодействия судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде³.

В рамках гражданского, административного и уголовного судопроизводства в России элементы электронного правосудия масштабно были внедрены Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законода-

¹ См.: Ананьев С.С. Внедрение искусственного интеллекта в современную систему правосудия // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: материалы международной научно-практической конференции. Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2019. С. 5–10.

² СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

³ СПС «КонсультантПлюс».

тельные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»¹.

Так, активно внедряются следующие современные средства и технологии электронного правосудия: электронная подача документов, видео-конференц-связь, видеопротоколирование, аудиозапись во время судебного заседания. Все эти нововведения позволяют качественно повысить эффективность и доступность правосудия, снизить временные и финансовые издержки.

Однако, несмотря на попытки законодателя соответствовать уровню развития в части современного общества и информационных технологий, правовое регулирование в данной области нельзя признать достаточным². Так, недостаточно развито законодательство по защите и безопасности электронного правосудия. Думается, что грамотным решением, которое позволит повысить уровень защиты информации, хранимой в системах электронного правосудия, станет создание соответствующей нормативной базы по ее защите.

Кроме того, на практике становится очевидной проблема недостаточного уровня образованности, информирования, а также консервативности взглядов значительной части граждан страны в вопросах правосудия. Для ее решения необходимо постепенно повышать правовую и информационную грамотность российских граждан и, что немаловажно, работников аппарата суда. В связи с этим предлагается проведение бесплатных тренингов, демонстраций работы с современными системами, а также различных мероприятий рекламного характера, которые повысят интерес к электронному правосудию в целом.

Следует отметить и заметную разницу в уровне оснащенности судов регионов. Так, одной из актуальных задач в настоящее время является техническое обеспечение системой видеоконференц-связи судов районного звена.

Совершенствуются уже внедренные технологии, например, проводится тестирование специальной системы распознава-

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Палехова Е.А. Понятие информации и цифровой экономики: правовые аспекты // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 46–49.

ния речи лиц, которые непосредственно принимают участие в деле. Данная система призвана сделать более прозрачной картину «судоговорения», что особенно актуально в связи с внесенными изменениями об обязательном аудиопроотоколировании судебного заседания. Соответственно в случае положительного результата тестирования подобная система будет рекомендована к внедрению. Также планируется на ее основе разработать программу автоматизированной подготовки протоколов судебных заседаний¹.

Полагаем, что полное выполнение Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» позволит сделать правосудие в стране более современным, технологически более оснащенным и в конечном счете поднять его на качественно новый уровень. Однако подобная целевая программа не должна стать завершающим этапом внедрения цифровых технологий в правосудие, а должна послужить базой для развития и совершенствования уже внедренных технологий и процессуального законодательства.

Что касается более долгосрочной перспективы развития цифровых технологий в правосудии, то разрешение правовых споров, которое составляет сущность правосудия, в настоящее время и в обозримом будущем не может быть полностью доверено искусственному интеллекту и может быть возложено только на человека, широко использующего в этой деятельности передовые достижения современной науки, включая искусственный интеллект.

Таким образом, электронное правосудие имеет как положительные аспекты применения цифровых технологий, так и негативные, тормозящие использование возможностей электронного правосудия. Кроме того, несмотря на необходимость развития информатизации судебной системы для сохранения базовых элементов российской судебной системы целесообразно поэтапное внедрение новых технологий в судебную систему с целью минимизации рисков, зачастую возникающих при реформировании.

¹ См.: Куликов В. Под честное слово. В судах планируется ввести системы распознавания голоса // Российская газета. 2018. № 195 (7658).

Библиографический список

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. // Российская газета. 2019. № 38.
2. Ананьев С.С. Внедрение искусственного интеллекта в современную систему правосудия // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: материалы международной научно-практической конференции. Новополюцк: Полоцкий государственный университет, 2019.
3. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.
4. Концепция развития информатизации судов до 2020 года, утвержденная постановлением Президиума Совета судей РФ от 19 февраля 2015 г. № 439 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Палехова Е.А. Понятие информации и цифровой экономики: правовые аспекты // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 46–49.
7. Куликов В. Под честное слово. В судах планируется ввести системы распознавания голоса // Российская газета. 2018. № 195 (7658).

Elena V. Begicheva,
MIREA — Russian Technological University
retired judge, senior lecturer of the department KB-13
“Civil security of national security”

USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN VESSELS OF GENERAL JURISDICTION: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

This article discusses the current issues of the use of digital technology in courts of general jurisdiction. Identified positive and negative aspects of the use of their use, as well as prospects for further development.

Key words: e-justice, courts of general jurisdiction.

*Глазырин Тимофей Сергеевич,
младший научный сотрудник
Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ИНВАЛИДОВ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Анализируются проблемы и недостатки правового регулирования доступности государственных услуг для инвалидов в контексте действующего законодательства и норм международного права.

Ключевые слова: доступность, государственные услуги, инвалиды.

Согласно Конституции РФ человек, его права и свободы в России являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина составляют обязанность государства (ст. 2).

Часть 1 ст. 7 Конституции провозглашает Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Общие положения о порядке предоставления государственных и муниципальных услуг закреплены в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. №210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»¹ (далее — Закон № 210-ФЗ) и ряде других федеральных законов, законах субъектов Российской Федерации.

¹ Российская газета. 2010. № 168.

Непосредственный порядок предоставления конкретной государственной услуги устанавливается в административном регламенте, в структуре которого обязательно должно присутствовать описание стандарта предоставления государственной или муниципальной услуги¹. Структура стандарта предоставления государственной услуги раскрывается в ст. 14 Закона № 210-ФЗ и в п. 12 Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг² (далее — Правила разработки регламентов).

При обращении к тексту названных актов первое, что обращает на себя внимание, это разделение требований доступности для инвалидов и доступности как таковой: в действующем законодательстве о предоставлении государственных услуг обеспечение их доступности для инвалидов сводится по сути к созданию надлежащей материально-технической базы, причем в весьма ограниченном исполнении.

Понятие доступности государственных услуг в действующем законодательстве по существу не раскрывается. Вместо этого и в Правилах разработки регламентов³, и в самих административных регламентах предоставления государственных услуг используется отсылка к ряду показателей, таких как сроки оказания государственных услуг, время ожидания в очереди, количество взаимодействий с должностными лицами государственных органов, доступность услуг в электронном виде⁴ и в многофункциональных центрах, количество обоснованных жалоб по вопросам качества и доступности государственной услуги, возможность получения услуги экстерриториально и т.п.

Описанный подход к регулированию доступности для инвалидов государственных и муниципальных услуг присущ отечественному законодательству изначально (с 2010 г.) и не пре-

¹ Части 1, 2 ст. 12 Закона № 210-ФЗ.

² СЗ РФ. 2011. № 22. Ст. 3169.

³ Подпункт «р» п. 14.

⁴ Именно так указано в правовых актах. Хотя здесь более корректно с точки зрения формальной логики вести речь не столько о доступности, сколько именно о возможности получения услуги.

терпел существенных изменений в связи с подписанием и дальнейшей ратификацией Российской Федерацией Конвенции о правах инвалидов¹.

Вместе с тем отождествлять доступность государственных и муниципальных услуг для инвалидов с формированием адаптированной под их нужды материально-технической базы государственных и местных органов ни в коем случае нельзя — крайне важно обеспечить инвалидам доступность самой процедуры предоставления государственной услуги и восприятия результатов ее предоставления. Иными словами, необходимо вести речь о максимально возможной адаптации отдельных процедур в рамках предоставления государственной услуги и материального выражения результатов ее предоставления к нуждам и возможностям инвалидов таким образом, чтобы обеспечить инвалидам как прямой доступ (без сторонней помощи), так и непрямой доступ, означающий совместимость со вспомогательными технологиями, используемыми человеком².

Вопросы доступности восприятия результатов оказания государственных услуг имеют большое значение для инвалидов по слуху и по зрению, так как они испытывают трудности в коммуникации. Для их устранения (а значит, в целях повышения доступности государственных и муниципальных услуг) необходимо предусмотреть в административных регламентах создание соответствующих условий, например при предоставлении государственной услуги в письменной или электронной форме обеспечить инвалидам по зрению возможность получения авторизованных копий соответствующих документов, выполненных шрифтом Брайля.

Наибольшую сложность для отдельных категорий инвалидов представляет само обращение за государственной услугой, поскольку в этом вопросе требуется соблюдение установленной формы запроса, которая не адаптирована под возможности инвалидов по зрению.

¹ Конвенция принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г. № 61/106, ратифицирована Федеральным законом от мая 2012 г. № 46-ФЗ (БМД. 2013. № 7).

² Так называемые ассистивные технологии.

В настоящее время возможность подачи заявления, выполненного шрифтом Брайля, не предусмотрена. И хотя подготовить заявление с использованием компьютера теоретически возможно, проверить и подписать его инвалид по зрению или с нарушением функций опорно-двигательного аппарата (при отсутствии верхних конечностей) не сможет: на этот счет нет указаний ни в Законе №210-ФЗ, ни в административных регламентах, а правила об использовании факсимильного воспроизведения собственноручной подписи¹ распространяются только на инвалидов по зрению и применимы лишь к ряду операций с наличными денежными средствами.

Часть 1 ст. 9 Конвенции о правах инвалидов предусматривает наделение инвалидов возможностью вести независимый образ жизни и всесторонне участвовать во всех аспектах жизни.

У инвалидов с нарушениями зрения или отсутствием верхних конечностей по сути зачастую остается единственный доступный способ получить ту или иную государственную услугу — воспользоваться услугами представителя. Такой порядок вещей противоречит требованиям ст. 9 Конвенции о правах инвалидов.

Как было отмечено ранее, действующее правовое регулирование фактически исключает для инвалидов возможность вести независимый образ жизни и всесторонне участвовать во всех аспектах жизни, обесмысливая их личное обращение за предоставлением государственных и муниципальных услуг.

Кроме того, некоторые государственные услуги могут предоставляться совершеннолетним лицам только при их личном обращении, что подразумевает подписание соответствующего заявления (запроса). Следовательно, при получении таких государственных услуг права инвалидов по зрению труднореализуемы, а права инвалидов с отсутствующими верхними конечностями де-факто реализованы быть не могут.

¹ См. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ст. 14.1) // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

Возможный выход из сложившейся ситуации видится в совершенствовании процедур предоставления государственных и муниципальных услуг — например, во введении возможности идентифицировать личность инвалидов по зрению исходя из данных дактилоскопической регистрации и в развитии в административном законодательстве правовых норм, составляющих институт представительства. Так или иначе в первую очередь необходима ревизия правовой основы предоставления государственных услуг, ключевым моментом которой должны стать разработка сущностного всеобъемлющего представления о содержании категории «доступность государственных услуг» и закрепление его в нормативных правовых актах.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. №210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
2. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.
3. Конвенция о правах инвалидов (принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г. № 61/106, ратифицирована Федеральным законом от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ) // БМД. 2013. № 7.

*Timofei S. Glazyrin,
The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
Administrative Legislation and Procedure Department Junior researcher*

ENSURING THE RIGHTS OF PERSONS WITH DISABILITIES FOR FREE ACCESS TO PUBLIC SERVICES

The article is devoted to the problems and shortcomings of legal regulation of accessibility of public services for the disabled in the context of active legislation and international law.

Keywords: free access, public services, disabled persons.

Султанов Айдар Рустэмович,
начальник юридического управления
ПАО «Нижнекамскнефтехим»

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ОХРАНИТЕЛЬНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Исследуется вопрос защиты основных свобод и прав человека как необходимость не допустить международного деликта, который порождает уникальное конвенциональное охранительное правоотношение.

Ключевые слова: ЕСПЧ, права человека, обязательства государства, ЕКПЧ, охранительное правоотношение, законодательство.

Возможность обращения в межгосударственные органы за защитой нарушенных прав основана на том, что должно быть место, где можно найти справедливость и защиту от произвола национальных судов и национальных законов. Идея создания межгосударственных органов по защите прав человека была основана на желании обеспечить защиту прав и свобод человека даже в тех случаях, когда государство допустило нарушение прав и свобод человека, а внутринациональные средства защиты не обеспечили их защиту и восстановление. Соответственно, роль межгосударственных органов по защите прав человека не ограничена выявлением лишь несправедливости в виде явного насилия, они должны в равной мере защищать от нарушения прав человека под предлогом соблюдения закона, в том числе в тех случаях, когда несправедливость

исходит из самих законов. Несмотря на то что межгосударственные органы не обладают в настоящее время компетенцией рассмотрения споров о несправедливости законов, в их компетенции рассматривать конкретную несправедливость, конкретное нарушение прав и свобод, даже если это нарушение было выполнением национального закона. Несправедливость, осуществляемая под видом соблюдения законов и совершаемая с молчаливого согласия и одобрения судов, действует на человека разрушительно и сильно ранит, поскольку внушает ему чувство незащищенности перед «всесильным государством», перед произволом его чиновников, подрывает уважение к суду и праву.

Идея создания межгосударственных органов по защите прав человека основана на идее приоритета прав и свобод человека, уважении правосубъектности человека¹, который может быть прав в споре с государством и который должен получить защиту, когда государство с ним не согласно и национальные суды не предоставляют ему надлежащую защиту. Как отмечает А.И. Ковлер, «для Европейского Суда по правам человека вопрос о международной правосубъектности индивида — непраздный вопрос: как можно обеспечить принцип равенства сторон в процессе, в котором ответчиком выступает государство, если у заявителя, т.е. истца, нет правосубъектности либо “индивид обладает ограниченной правосубъектностью”, как утверждают некоторые авторы»².

Неотчуждаемые права и свободы человека порождают два рода обязательств для государства, такие как недопущение

¹ См.: Лихачев М.А. Статус личности как воплощение взаимодействия международно-правового и внутригосударственного регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011; Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М., 2017. С. 609–619.

² Ковлер А.И. Проблемы международного права в решениях Европейского Суда по правам человека (международная правосубъектность индивида и иммунитет государства) // Российский ежегодник международного права. М., 2002. С. 302.

незаконного вмешательства в них и обязанность создать условия для их реализации.

Факт установления охранительных норм в международно-правовых актах, в частности в Европейской конвенции о защите прав человека, на наш взгляд, порождает международные правоотношения не в момент обращения за защитой в международный орган, а в момент нарушения данных прав и свобод¹.

Идея создания межгосударственных органов по защите прав человека появилась как признание существования особого охранительного правоотношения, в котором гражданин может выступать равноправным оппонентом не только в споре с государственными органами, но и с самим государством. Как отмечала Р.О. Халфина, «в правоотношениях, возникающих вследствие правонарушения, воля лица ни в коей мере не направлена на возникновение и реализацию правоотношения. Но в основе в конечном счете лежит волевое поведение лица — его противоправное поведение»².

Еще в 1950-х гг. Н.Г. Александров предложил правоотношения, возникающие в результате неправомерного поведения, называть правоохранительными³. Этот термин в последующем был перенесен в науку международного права⁴. Охранительные нормы международного права предусматривают использование индивидуальных или коллективных мер принуждения по отношению к субъектам международного права в случае, если ими были нарушены какие-либо охраняемые международным правом интересы участников межгосударственных отношений. В число охранительных входят, в частности, нормы, касающиеся ответственности субъектов между-

¹ См.: Султанов А.Р. Правовые последствия постановлений Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 64–72.

² Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 224.

³ См.: Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 91–92.

⁴ См.: Курис П. Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс, 1971. С. 52.

народного права¹; «нормы права взаимосвязаны, образуют систему, в которой одни нормы (например, регулятивные) обеспечиваются другими нормами (охранительными)...»².

Применение международно-правовых санкций всегда происходит независимо и вопреки воле субъекта-правонарушителя и представляет собой внешнюю реакцию, вызванную волевым актом субъектов международного права и призванную заставить субъекта-правонарушителя выполнить обязанности, порожаемые его ответственностью. Это осуществление права субъектов международного права, имеющее целью обеспечить принудительную реализацию охранительных международно-правовых отношений посредством санкционных международно-правовых отношений³. Как отмечал Н.А. Ушаков, «термин “охранительные” определяет не характер, а существо правоотношений ответственности, которое свойственно, очевидно, не только правоотношениям ответственности, но и иным международно-правовым отношениям правоохранительного порядка»⁴.

Международные охранительные правоотношения возникают только в результате определенного юридического факта — правонарушения, «...охранительные правоотношения играют серьезнейшую роль в обеспечении правопорядка, служат восстановлению нарушенного правопорядка, а следовательно, его упрочению»⁵.

Автор предлагает называть охранительное правоотношение, возникающее в связи нарушением основных свобод и прав человека, защищаемых Европейской конвенцией о за-

¹ См.: Международное право: учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов и др.; отв. ред. С.А. Егоров. М.: Статут, 2015.

² Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права. Казань, 1990. С. 54.

³ См.: Международное право. Общая часть: учебник / Г.Я. Бакирова, П.Н. Бирюков, Р.М. Валеев и др.; отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. М.: Статут, 2011.

⁴ Ушаков Н.А. Основания международной ответственности государств. М., 1983. С. 32.

⁵ Курис П. Указ. соч. С. 54.

щите прав человека и основных свобод, конвенциональным охранительным правоотношением, которое является уникальным, поскольку нарушение защищаемых Конвенцией основных прав и свобод человека является международно-правовым деликтом, порождающим международное конвенциональное охранительное правоотношение, которое может быть окончено вынесением решения национального суда и восстановлением нарушенных прав и свобод. Когда же национальные механизмы не сработали, не порождается новое охранительное правоотношение, а лишь продолжается в ЕСПЧ, причем и данное правоотношение не прекращается вынесением постановления ЕСПЧ, оно прекращается лишь в момент восстановления нарушенных прав и свобод¹.

В отличие от гражданского охранительного правоотношения, где субъектами правоотношений выступают, как правило, правонарушитель и потерпевшее лицо в сфере имущественного оборота, и от гражданского процессуального правоотношения, где это суд и лица, участвующие в деле, субъектами конвенционального охранительного правоотношения в первую очередь являются государство в лице государственных органов и должностных лиц, наделенных компетенцией по реализации прав и свобод или их ограничению, с одной стороны, включая суды, ЕСПЧ, Комитет министров Совета ЕС, осуществляющий контроль за исполнением постановлений ЕСПЧ, и физические лица или их объединения, с другой стороны². Следует отметить, что субъектами нарушения Конвенции могут быть не обязательно государственные органы — «за действия определенных институтов, осуществляющих публичные функции и использующих публичные полномочия (на-

¹ См.: Султанов А.Р. Международная правосубъектность личности // Экономика. Образование. Право. Научные исследования состояния и развития современного общества: сборник научных трудов по материалам II Ежегодной международной научно-практической конференции / под ред. А.А. Ващенко. М., 2017. С. 438–440.

² Субъектный состав в гражданском процессуальном правоотношении и конвенциональном охранительном правоотношении может не совпадать.

пример, полиции), несет ответственность государство, даже если эти институты рассматриваются во внутреннем законодательстве как автономные и независимые от исполнительных органов власти» (проект статей об ответственности государств за международные противоправные деяния, принятый Комиссией международного права в 2001 г. (Yearbook of the International Law Commission, 2001, т. II, ч. 2)¹.

Кроме того, помимо заявителей в процесс ЕСПЧ могут вступать страны — участники Конвенции в качестве третьих сторон, поскольку Конвенция — это договор коллективной гарантии защиты основных свобод и прав человека.

Как отмечалось выше, конвенциональное охранительное правоотношение возникает в момент нарушения государственными органами и (или) судом прав и свобод, защищаемых Конвенцией, которые в большинстве своем относятся к неотчуждаемым естественным правам и свободам². Поскольку позитивное право является вторичным по отношению к неотчуждаемым естественным правам и свободам, любое ограничение данных прав и свобод и правоприменителем, и законодателем является вмешательством в данные права и свободы, но в ряде случаев может быть признано допустимым. Соответственно, логично существование особого охранительного правоотношения, которое не оканчивается актом государства, а продолжается в межгосударственных органах и оканчивается лишь в момент защиты и восстановления нарушенных основных свобод и прав человека. Как отмечает Ю.В. Самович, «право на судебную защиту в международном праве следует рассматривать именно как субъективное право лично-

¹ См. постановление Большой палаты ЕСПЧ от 3 апреля 2012 г. по делу «Котов (Kotov) против Российской Федерации» (жалоба № 54522/00). См. подробнее: Кешнер М.В. Право международной ответственности. М., 2019. С. 41–46.

² См.: Султанов А.Р. Отзыв на автореферат диссертации А.В. Деменовой на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Юридические последствия постановлений Европейского Суда по правам человека для Российской Федерации» // Международное публичное и частное право. 2011. № 1. С. 47–48.

сти, а не как выполнение обязанности со стороны государства»¹.

Связанность и взаимовлияние правовых систем — объективная действительность, проистекающая не из воли государств, но из реальности существования человека; человек как единственный естественный субъект права (первичный субъект, чьи отношения оказываются подвергнуты правовому регулированию) является единственным звеном, объективно связывающим все правовые системы².

Поскольку Европейская конвенция о защите основных свобод и прав человека — это договор коллективной гарантии защиты основных свобод и прав человека, где государства-участники обязуются обеспечить защиту основных прав и свобод человека, охранительные правоотношения возникают не в момент обращения за защитой в ЕСПЧ, который несет субсидиарную функцию, а в момент нарушения данных прав и свобод, когда государство-участник не выполнило своего обязательства по защите основных прав и свобод человека.

Причем по общему правилу их реализация должна осуществляться лишь на основании их уважения³ и признания. Когда же данные права и свободы нарушены, возникает международное конвенциональное охранительное правоотношение, которое может быть окончено вынесением решения национального суда и восстановлением нарушенных прав и свобод.

¹ Самович Ю.В. Международная судебная защита прав человека. Казань, 2006. С. 315.

² См.: Нешатаева Т.Н. Решения Европейского Суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику. М., 2014. С. 39–40.

³ См.: Гаврилов В.В. К вопросу о правосубъектности физических лиц в международном праве // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков: материалы межвузовской научной конференции, посвященной 40-летию юридического факультета ДВГУ. Владивосток, 1998. С. 417–419.

Контроль за исполнением постановления ЕСПЧ осуществляется Комитетом министров Совета ЕС. В статью 46 Конвенции включены новые положения, согласно которым если Комитет министров считает, что надзору за исполнением окончательного постановления препятствует проблема толкования этого постановления, то он вправе передать данный вопрос на рассмотрение ЕСПЧ для вынесения им постановления по вопросу толкования.

Более того, если Комитет министров Совета ЕС считает, что «Высокая Договаривающаяся Сторона отказывается подчиниться окончательному постановлению по делу», в котором она выступает стороной, он вправе после направления официального уведомления этой стороне и путем принятия решения большинством голосов в две трети от числа представителей, уполномоченных принимать участие в работе Комитета министров Совета ЕС, передать на рассмотрение Суда вопрос о том, не нарушила ли эта сторона свое обязательство, установленное в соответствии с п. 1. Если Суд устанавливает факт нарушения п. 1, он передает дело в Комитет министров Совета ЕС для рассмотрения мер, подлежащих принятию. Если Суд не устанавливает факта нарушения п. 1, он передает дело в Комитет министров Совета ЕС, который закрывает рассмотрение дела¹. И в настоящее время уже существует опыт применения этой новой компетенции Комитета министров Совета ЕС²: постановление Большой палаты ЕСПЧ от 29 мая 2019 г.

¹ См.: Красиков Д.В. Европейский Суд по правам человека // Институты международного правосудия / под ред. В.Л. Толстых М., 2014. С. 309.

² В 2013 году заявитель (оппозиционный политик, комментировавший различные политические темы в личном интернет-блоге) был осужден за совершение преступлений и заключен под стражу. Постановлением от 22 мая 2014 г. ЕСПЧ пришел к выводу, что были нарушены права заявителя, предусмотренные подп. «с» п. 1, п. 4 ст. 5, п. 2 ст. 6, ст. 18 Конвенции. Комитет министров Совета ЕС, который в соответствии со ст. 46 Конвенции уполномочен осуществлять надзор за исполнением постановлений ЕСПЧ, вынес ряд решений и промежуточных резолюций с учетом фундаментальных недостатков в уголовном разбирательстве, выявленных Судом в соответствии со ст. 18 Конвенции во взаимосвязи со ст. 5 Конвенции, призывающей к немедленному и безуслов-

по делу «Ильгар Маммадов против Азербайджана» (жалоба № 15172/13) появилось на свет в результате обращения Комитета министров Совета СЕ в связи с неисполнением постановления ЕСПЧ от 22 мая 2014 г. по делу «Ильгар Маммадов (Ilgar Mammadov) против Азербайджана» (жалоба № 15172/13), и Большая палата ЕСПЧ установила, что Азербайджан, не исполнив первое постановление по делу И. Маммадова, нарушил п. 1 ст. 46 Конвенции, и дальнейшее рассмотрение дела будет вестись Комитетом министров.

Парламентская ассамблея Совета Европы (далее — ПАСЕ) также участвует в надзоре за исполнением решений ЕСПЧ (см. Резолюцию ПАСЕ 1226 (2000) «Исполнение решений ЕСПЧ» от 28 сентября 2000 г.). На практике это осуществляется Комитетом по правовым вопросам и правам человека в рамках процедуры, дополняющей процедуру Комитета министров Совета ЕС¹, в который заявители также могут обращаться по поводу неисполнения окончательных решений ЕСПЧ.

Конвенциональное охранительное правоотношение предполагает, что защита прав и свобод человека, прежде всего, должна осуществляться национальными государственными органами, а защита в межгосударственных органах — в субсидиарном порядке, лишь когда защита прав и свобод человека не была осуществлена². Соответственно, важно, чтобы в процессуальных кодексах было отражение этой обязанности через обязанность применять нормы международных договоров.

ному освобождению заявителя, который все еще находился в тюрьме. 5 декабря 2017 г. Комитет министров Совета ЕС в промежуточной резолюции № СМ/ResDH(2017)429 решил передать на рассмотрение ЕСПЧ в соответствии с п. 4 ст. 46 Конвенции вопрос о том, исполнили ли власти Азербайджанской Республики свое обязательство в соответствии с п. 1 ст. 46 Конвенции по соблюдению окончательных постановлений ЕСПЧ.

¹ См.: Обращение в Европейский Суд по правам человека / под ред. Ф. Лич. М., 2006. С. 162.

² См.: Аристова К.С. Принцип субсидиарности в деятельности Европейского Суда по правам человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

Конституционный Суд РФ в качестве обоснования своих решений регулярно обращается к положениям Конвенции и практике ЕСПЧ. Так, в национальном докладе «Сотрудничество между конституционными судами в Европе — рамочные условия и перспективы в настоящее время» XVI Конгрессу Конференции европейских конституционных судов отмечалось, что «...в результате деятельности Конституционного Суда конвенционные положения с течением времени превращаются в инструмент конституционно-правового регулирования»¹.

При описании субъектов конвенционального охранительного правоотношения мы не упомянули Конституционный Суд РФ. Обращение в Конституционный Суд РФ не является необходимым для исчерпания национальных средств защиты для обращения в ЕСПЧ, однако, по нашему мнению, конвенциональное охранительное правоотношение вполне допускает такое обращение. И по нашему опыту это иногда может быть более быстрым средством для восстановления нарушенных прав, чем обращение в ЕСПЧ. Тем более, как отмечал Конституционный Суд РФ, «практикой для Конституционного Суда стало сверять свои выводы с положениями ЕКПЧ и доводами ЕСПЧ. Конституционный Суд РФ проявляет стремление тесно увязывать свою позицию с позицией ЕКПЧ, принимая решения, которые не просто соответствуют, но опираются на практику ЕСПЧ»². Более того, именно Конституционный Суд РФ задал вектор по исключению неконвенционной и неконституционной правоприменительной практики (постановление от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан

¹ URL: <https://www.confueconstco.org/reports/rep-xvi/KF-Russie-RU.pdf>

² Национальный доклад Конституционного Суда РФ «Отношения Конституционного Суда РФ и других национальных органов с европейскими судебными инстанциями, а также их взаимодействие на XII Конференции европейских конституционных судов (Брюссель, 2002 г.). URL: <https://www.confueconstco.org/reports/rep-xii/Rusland-RU.pdf>

И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова»). В данном постановлении было провозглашено, что «оспариваемое положение пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации должно рассматриваться и применяться в непротиворечивом нормативном единстве с требованиями Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Иное расходилось бы с его действительным конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, и привело бы вопреки требованиям статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации и воле федерального законодателя, ратифицировавшего Конвенцию, к блокированию ее действия на территории Российской Федерации».

В указанном постановлении Конституционного Суда РФ говорится, что «конвенционные нормы в их интерпретации Европейским Судом по правам человека использованы не только для обоснования правовой позиции Конституционного Суда РФ по делу, но и вынесены в резолютивную часть решения»¹. Таким образом было дано толкование оспариваемой нормы в системном единстве с положениями ст. 6, 41 Конвенции по защите прав человека и основных свобод. Тем самым было исключено неконституционное толкование и правоприменение, одновременно Федеральному Собранию РФ было указано на необходимость в законодательном порядке урегулировать основания и порядок возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) суда (судьи), а также определить подведомственность и подсудность данной категории дел.

При рассмотрении дела в Конституционном Суде РФ постоянный представитель Государственной Думы РФ в Конституционном Суде РФ В.В. Лазарев акцентировал внимание на том, что в соответствии со ст. 15 Конституции РФ правоприменитель имел право вынести судебное решение, ссылаясь на положения ст. 6 Конвенции о защите прав человека и ос-

¹ Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России. М., 2011. С. 203.

новых свобод, поскольку положения международного закона имеют приоритет перед внутренним законом, и вообще не принимая положения ст. 1070 Гражданского кодекса РФ¹.

Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу опроверке конституционности статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ “Нижнекамнефтехим” и “Хакасэнерго”» гласит: «Ратифицируя Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов (Федеральный закон от 30 марта 1998 года N 54-ФЗ). Таким образом, как и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, *решения Европейского Суда по правам человека — в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, — являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права*».

Однако данное постановление Конституционного Суда РФ оказало существенное влияние на конвенциональное охранительное правоотношение — на момент рассмотрения дела в Конституционном Суде РФ жалобы о нарушении ст. 6 Конвенции уже были поданы в ЕСПЧ. Благодаря Конституционному Суду РФ защищаемое Конвенцией право на спра-

¹ См.: Лазарев В.В. Законодатель как сторона в конституционном судопроизводстве. М., 2015. С. 456.

ведливое судебное разбирательство было восстановлено и без постановлений ЕСПЧ. Конвенциональное охранительное правоотношение прекратилось восстановлением нарушенных прав, прекращением надзорного производства в Президиуме Верховного Суда РФ даже раньше отзыва жалоб из ЕСПЧ, который последовал вскоре после положительного исхода в Президиуме Верховного Суда РФ¹.

С учетом того, что конвенциональное охранительное правоотношение прекращается не вынесением постановления ЕСПЧ, а лишь восстановлением нарушенных прав и свобод, вполне возможно и участие Конституционного Суда РФ в конвенциональном охранительном правоотношении в стадии исполнения постановления ЕСПЧ. Так, В.Д. Зорькин высказал идею о том, что когда защищаемые Конвенцией права и свободы нарушены законом, примененным в конкретном деле, то есть если речь идет о дефектах закона, то вопрос о судьбе данного закона в рамках исполнения решений ЕСПЧ может быть разрешен при проверке его конституционности Конституционным Судом РФ².

Постановлением Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. №27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» фактически была создана возможность для устранения из правового поля нормы, которая уже была предметом обжалования в Конституционный Суд РФ, но о конституционности которой не выносилось постановление, а было отказано в рассмотрении жалобы, в том числе в случае, когда Конституционный Суд РФ счел, что нет неопределенности в соответствии Конституции РФ оспоренной нормы. Такая возможность была создана только для случаев, когда

¹ Надзорные производства по всем делам, послужившим обращением в Конституционный Суд РФ, были прекращены.

² См.: Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2004. № 12.

жалоба заявителя удовлетворена межгосударственным органом; раньше такая возможность отсутствовала, поскольку Конституционный Суд РФ отклонял повторные жалобы как недопустимые¹.

Председателем Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькиным данное постановление было в последующем охарактеризовано как решение, позволившее найти соответствующий Конституции РФ процедурный механизм имплементации решений ЕСПЧ в российскую судебную практику в ситуации конфликта толкований между ЕСПЧ и Конституционным Судом РФ². Надеемся, что так оно и будет и все решения государственных органов будут осуществлены с полным пониманием того, что общепризнанным принципом международного права является невозможность снять с себя международно-правовую ответственность путем ссылки на свое внутригосударственное право³.

Учитывая, что конвенциональное охранительное правоотношение прекращается не вынесением постановления ЕСПЧ, а лишь в момент восстановления нарушенных прав и свобод, деятельность всех государственных органов должна быть направлена, прежде всего, на защиту прав человека и основных свобод, а если они уже нарушены, то на восстановление прав человека и основных свобод. Только такой подход будет порождать доверие граждан к государству и, соответственно, делать Россию сильнее.

¹ См.: Султанов А.Р. Имплементация постановлений ЕСПЧ и о некоторых последствиях постановления Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П // Служение праву: сборник статей. Памяти профессора В.А. Туманова посвящается / под ред. Д.А. Туманова, М.В. Захаровой. М., 2017. С. 169–176.

² См.: Зорькин В.Д. Проблемы реализации конвенции о правах человека. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=72>.

³ См.: Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966. С. 74; Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве. М., 1975. С. 29 и др.

Aydar R. Sultanov,
*Head of Legal Department
PJSC Nizhnekamskneftekhim*

**EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
AND CONVENTIONAL PROTECTIVE
LEGAL RELATIONS**

In this article, the author focuses on protection of fundamental freedoms and human rights as a must for avoiding of international delict that gives rise to unique conventional conservation legal relations.

Keywords: ECtHR, human rights, state obligations, ECHR, protection relationship, legislation.

Баранов Евгений Владимирович,
студент 3 курса Института комплексной
безопасности и специального приборостроения
ФГБОУ ВО «МИРЭА — Российский
технологический университет»

ЗНАЧЕНИЕ И МЕСТО ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Рассматривается место источников международного права в российской правовой системе, в частности их соотношение с Конституцией РФ и федеральными законами, на основе анализа отдельных нормативных актов Российской Федерации.

Ключевые слова: международное право, глобализация, правовая система, Конституция РФ, монистическое направление, дуалистическое направление.

Характерной чертой современной мировой глобализации является довольно активное взаимодействие национальной и международной правовых систем во внутригосударственном правовом регулировании. В условиях расширения присутствия международного права в правовой системе современных государств, в частности в Российской Федерации, возможно появление тех или иных коллизий с внутригосударственными источниками, а также неоднозначных судебных решений. Такого рода проблемы повышают ответственность стран — участников международных договоров в обеспечении установленной международно-правовыми обязательствами надлежащей внутригосударственной имплементации определенных международно-правовых норм и принципов. Национальное и международное право это по сути сходные общественно-пра-

новые явления, так как в их основе лежат единые общечеловеческие приоритеты и ценности.

Однако каждое конкретное государство само может определять и устанавливать границы взаимодействия собственного национального и международного права. Это продиктовано внутренней и внешней политической деятельностью страны.

В науке и практике выделяют три направления, которые характеризуют взаимообусловленность национального и международного права. Первое — это дуалистическое направление, в его основе лежит изолированность и независимость международного и национального права, другие два направления называются монистическими и рассматривают международное и национальное право как части единой системы права. Но здесь необходимо отметить, что одни отдают главенствующую роль международному праву, а другие — национальному в общей единой системе права.

Наиболее предпочтительной для современных государств, в том числе и для России, считается ситуация, когда государство может отказаться от имплементации в собственную правовую систему неприемлемых и неподходящих для него положений и норм международного права, но при этом активно выступая в международных интеграционных отношениях в качестве участника. Это предоставляет государству возможность самостоятельного определения уровня открытости своей правовой системы. Такие характерные черты свойственны дуалистической концепции соотношения международного и национального права. Для России такой процесс международного сотрудничества является преобладающим.

В вопросе соотношения источников международного и внутригосударственного права особый акцент делается на вопросы, связанные с соотношением источников международного права и Конституции РФ. Это объясняется тем, что Конституция РФ является высшей юридической формой воплощения государственного суверенитета. Одним из новых признаков российской Конституции в период глобализации считается достижение конституционного (в Конституции РФ

1993 г.) уровня регулирования статуса международного права как части правовой системы страны.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. То есть если буквально толковать данную статью, то государство все-таки занимает позицию монистического направления в вопросе соотношения международного и национального права. Но следует ли однозначно утверждать, что в такой ситуации международные договоры имеют приоритет над Конституцией РФ? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к ч. 1 ст. 15, которая устанавливает, что Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории России. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ. Из данной части статьи видно, что проводится различие между Конституцией РФ и законами, поэтому формулировка ч. 4 ст. 15 Конституции о том, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора, считается не совсем однозначной. Следовательно, можно предположить, что термин «закон» в данном контексте используется не как во всех нормативных правовых актах, к которым относится и Конституция РФ, а лишь как в законодательных актах.

Об этом свидетельствует п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», где говорится о том, что «правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято в форме федерального закона, имеет приоритет в применении

в отношении законов Российской Федерации. Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято не в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти, заключившим данный договор».

В подтверждение вышеизложенного процитируем постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г., в котором зафиксировано, что «как следует из Конституции РФ, ее статей 4 (часть 1), 15 (часть 1) и 79, закрепляющих суверенитет России, верховенство и высшую юридическую силу Конституции РФ и недопустимость имплементации в правовую систему государства международных договоров, участие в которых может повлечь ограничения прав и свобод человека и гражданина или допустить какие-либо на основы конституционного строя Российской Федерации и тем самым нарушить конституционные предписания, ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского Суда по правам человека, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции РФ и поэтому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции РФ».

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод, что, несмотря на то, что в Конституции РФ закреплено, что международные договоры входят в правовую систему нашей страны, приоритетом над Конституцией они по сути не обладают. Об их приоритете можно говорить лишь в отношении законодательных актов Российской Федерации (федеральных законов и иных правовых актов). Считается необходимым и важным закрепление непосредственно в Конституции РФ аспекта ее соотношения с международными договорами.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».

Evgeny V. Baranov,
specialty 40.05.01 “Legal support of national security”
Civil law specialization Institute
of Integrated Safety and Special Instrumentation
MIREA — Russian Technological University,
“Civil Law Support of National Security”

SIGNIFICANCE AND PLACE OF SOURCES OF INTERNATIONAL LAW IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

The article is devoted to determining the place of sources of international law in the Russian legal system, in particular their relationship with the Constitution of the Russian Federation and federal laws, based on the analysis of some regulatory acts of the Russian Federation.

Keywords: international law, globalization, legal system, Constitution of the Russian Federation, monistic, dualistic.

*Мишечкина Софья Спартаковна,
студент 3 курса Института комплексной
безопасности и специального приборостроения
ФГБОУ ВО «МИРЭА — Российский
технологический университет»*

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Анализируются международно-правовые акты о защите основных прав и свобод человека в цифровой среде и перспективы развития правового регулирования зарождающихся в результате внедрения информационно-коммуникационных технологий общественных отношений.

Ключевые слова: международное право, глобализация, цифровизация, права, защита.

Цифровая революция и внедрение информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества предопределили новый этап общественного развития и вступление человечества в «информационную эпоху». Появление и распространение инновационных технологий, формирование на их основе виртуального (цифрового) пространства послужили фундаментом возникновения нового поколения прав, получивших в юридической науке название цифровых. Значительная часть основных прав и свобод человека, закрепленных и гарантированных международными и национальными нормативными правовыми актами, в виртуальном пространстве будет иметь цифровую интерпретацию, что потребует нормативного регулирования.

ния¹. Защита прав и свобод человека в настоящее время становится особенно актуальной, поскольку внедряются и используются системы биометрической идентификации, искусственного интеллекта и пр.

Возникает необходимость не только в регулировании зарождающихся в результате преобразований новых общественных отношений, но и в разработке средств, направленных на охрану и защиту основных прав и свобод человека. Главным инструментом, обеспечивающим реализацию данных направлений, выступает право. Имея в своем арсенале регулятивную и охранительную функции, право устанавливает, с одной стороны, модели должного поведения людей, а с другой — юридическую ответственность за правонарушение.

В современном мире в условиях глобализации, формирования единого цифрового пространства, а также усиления роли сети «Интернет» как глобальной информационной системы особая роль отводится международному праву, международному регулированию. Во-первых, оно разрабатывает определенные правовые нормы, а также принципы, которые в дальнейшем имплементируются в национальное законодательство государств. Так, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «обще-признанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Создаваемые международным правом новые юридические конструкции, институты, дефиниции способствуют модернизации и совершенствованию национальной правовой системы. Во-вторых, международное право, формируя «единое правовое поле», также способствует регулированию и стабилизации международных отношений.

Исследователи отмечают интерпретацию некоторых основных прав и свобод человека в цифровой среде.

¹ См., например: Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. №3. С. 122–146.

Во-первых, это право на свободу выражения мнения, гарантированное ст. 10 Европейской конвенции по правам человека (далее — ЕКПЧ), ст. 19 Всеобщей декларации прав человека (далее — ВДПЧ) и Международным пактом о гражданских и политических правах. В соответствии с Резолюцией Совета по правам человека при ООН от 16 июня 2012 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» «права, которые человек имеет в офлайновой среде, должны также защищаться и в онлайнновой среде, в частности право на свободу выражения мнений, которое осуществляется независимо от государственных границ и любыми средствами по собственному выбору». Свобода выражения мнения как в реальной жизни, так и в виртуальном пространстве не является абсолютным правом и подвергается законодательным ограничениям в целях защиты прав других людей. Согласно ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах ограничения данного права возможны только в соответствии с законом и должны отвечать критерию целесообразности и необходимости: в целях уважения прав и репутации других лиц; охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственных устоев. Именно свобода выражения мнения и доступа к информации обуславливают возникновение права на доступ в Интернет¹.

Во-вторых, это право на неприкосновенность частной жизни (ст. 12 ВДПЧ, ст. 5 ЕКПЧ), которое в цифровом пространстве включает в себя защиту персональных данных, тайну переписки, защиту чести, доброго имени и т.п. Документом, регулирующим личную неприкосновенность, является Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» (2014 г.), согласно которой «государство должно уважать, защищать право на неприкосновенность личной жизни, в том числе в контексте цифровой коммуникации; принимать меры, направленные на

¹ См.: Алферова Е.В. Защита прав человека в Интернете // Государство и право в новой информационной реальности. 2018. №4. С. 143–157.

предотвращение нарушений прав, путем обеспечения того, чтобы национальное законодательство соответствовало международным обязательствам по международному праву прав человека».

Ввиду того что Всемирная паутина не имеет границ и любая информация моментально передается по всему миру, персональные данные каждого человека могут оказаться в открытом доступе, в том числе и для незаконного использования. В связи с этим особое значение в последнее время приобретает охрана и защита персональных данных. В Европейском союзе (далее — ЕС) данный вопрос регулируется Генеральным регламентом о защите персональных данных (General Data Protection Regulation, GDPR), вступившим в силу в 2018 г. Преимуществом GDPR по сравнению с российским законом «О персональных данных» является экстерриториальность действия, то есть к юридической ответственности за незаконный сбор, хранение или передачу информации привлекаются не только резиденты ЕС, но и компании-нерезиденты, имеющие доступ к информации граждан. Таким образом, для улучшения защиты информации о персональных данных граждан Российской Федерации необходимо развитие законодательства в векторе регламента ЕС.

Следует также выделить защиту прав интеллектуальной собственности в сети «Интернет». Отсутствие регулирования и контроля внесения, хранения, распространения, использования в сети «Интернет» результатов интеллектуальной деятельности часто приводит к нарушениям авторских прав¹. Например, в США существуют такие законодательные акты, регулирующие авторское право в интернет-пространстве, как Закон о защите авторских прав в цифровую эпоху 1998 г. и Закон о защите авторского права в области частного воспроизведения, защищающий авторов от видео- и аудиопиратства в Интернете.

¹ См.: Батлук А.С. Проблема нарушения интеллектуальных прав в сети «Интернет» // Инновационная наука. 2016. №2. С. 163–165.

В ходе Всемирных встреч на высшем уровне по вопросам информационного общества правительства более 180 стран подтвердили безусловную применимость ВДПЧ к Интернету. Совет по правам человека при ООН указал на важность защиты основополагающих прав человека и свободного трафика информации в Сети. Однако открытым остается вопрос о нормативном закреплении данной идеи в качестве документа — например, такого, как Всеобщая декларация о правах человека, отдельный международный договор между странами.

Таким образом, необходимо усиление защиты прав и свобод человека в первую очередь на международном уровне. Актуальными остаются вопросы разработки единого международно-правового акта, в частности, предлагается принять Декларацию цифровых прав человека¹. Целью данного нормативного правового акта стало бы регулирование отношений в виртуальном пространстве, провозглашение новых информационных (цифровых) прав и свобод человека, установление пределов их реализации.

Библиографический список

1. Алферова Е.В. Защита прав человека в Интернете // Государство и право в новой информационной реальности. 2018. № 4. С. 143–157.
2. Батлук А.С. Проблема нарушения интеллектуальных прав в сети «Интернет» // Инновационная наука. 2016. № 2. С. 163–165.
3. Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. № 3. С. 122–146.
4. Mathiesen K. Human rights for the digital age // Journal of mass media ethics: Exploring questions of media morality. Routledge, 2014. URL: https://www.ideals.illinois.edu/bitstream/handle/2142/15236/IConf_Information_as_a_Human_Right.doc.pdf

¹ См.: Mathiesen K. Human rights for the digital age // Journal of mass media ethics: Exploring questions of media morality. Routledge, 2014. URL: https://www.ideals.illinois.edu/bitstream/handle/2142/15236/IConf_Information_as_a_Human_Right.doc.pdf

Sofya S. Mishechkina,
3th year student specialty 40.05.01
“Legal support of national security”
Civil law specialization Institute
of Integrated Safety and Special Instrumentation
MIREA — Russian Technological University,
“Civil Law Support of National Security”

**THE ROLE OF INTERNATIONAL LAW
IN THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS
IN THE ERA OF DIGITALIZATION**

The article is devoted to the analysis of international legal acts in the protection of basic human rights and freedoms in the digital environment and the prospects for the development of legal regulation of public relations arising as a result of the introduction of information and communication technologies.

Keywords: international law, globalization, digitalization, human rights, protection.

*Пиксин Дмитрий Григорьевич,
студент 1 курса Института комплексной
безопасности и специального приборостроения
ФГБОУ ВО «МИРЭА — Российский
технологический университет»*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИГРОВЫХ СТРИМОВ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Рассматриваются проблемы правового регулирования игровых стримов в России и зарубежных странах, предложены способы совершенствования законодательства Российской Федерации в данной области.

Ключевые слова: игровой стрим, стример, исключительное право, авторские права.

В эпоху развития игровой индустрии молодые люди все больше времени посвящают обзорам и прохождению игр. Суть стрима (публичного прохождения игр) состоит в демонстрации наиболее интересного, захватывающего достижения финала, раскрытия секретов, шифровок разработчиков, отсылок к другим играм, фильмам или даже событиям. Стримеры зачастую получают поддержку от своих зрителей не только посредством лайков и подписок, но и в виде денежного вознаграждения. Поэтому молодежь считает неплохим вариантом для жизни возможность одновременно отдыхать — играть в популярные компьютерные игры — и зарабатывать.

Компьютерная игра — сложный объект, совокупность художественных образов, музыкального сопровождения, заранее спланированного сценария, позволяющая разработчику отразить характер персонажей, а пользователю — погрузиться в воспроизводимые события. Она создается при участии сценари-

стов, художников, композиторов и других специалистов, их труд затем объединяется программистами в программу для электронно-вычислительной машины (далее — ЭВМ). Таким образом, компьютерная игра является совокупностью произведений различных лиц, признаваемой и функционирующей как единое целое, что делает ее сложным объектом для ЭВМ¹.

Однако если рассматривать видеоигру как сложный объект, включающий в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, выявляется ряд проблем. В частности, ч. 1 ст. 1240 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) устанавливает в качестве сложных объектов кинофильм, иное аудиовизуальное произведение, театральное зрелищное представление, мультимедийный продукт, базу данных. Упоминание о компьютерной игре как о сложном объекте в законодательстве отсутствует.

На мультимедийную игру как программу для ЭВМ распространяется действие ст. 1229 «Исключительное право» ГК РФ. С точки зрения закона трансляции игрового процесса должны осуществляться только с согласия правообладателей игр. В противном случае нарушаются авторские права.

Следует отметить, что в ст. 1270 ГК РФ при перечислении способов использования произведений ничего не говорится о передаче информации, полученной при прохождении игры путем онлайн-трансляции по сети «Интернет», — о проведении стримов.

Компания-собственник интеллектуальной деятельности вправе в любой момент потребовать прекращения использования ее объектов интеллектуальной деятельности. Если же законное требование не будет исполнено, стримеру грозит блокировка на данной платформе или применение санкций согласно ст. 1301 «Ответственность за нарушение исключительного права на произведение» ГК РФ по заявлению правообладателя. В этом случае автор в соответствии со ст. 1250, 1252, 1253 ГК РФ наряду с использованием других примени-

¹ См.: Котенко Е.С. Правовой режим компьютерных игр // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 2. С. 423–430.

мых способов защиты и мер ответственности вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации:

1) в размере от 10 тыс. руб. до 5 млн руб. (по усмотрению суда исходя из характера нарушения);

2) в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров произведения;

3) в двукратном размере стоимости права использования произведения, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения тем способом, который избрал нарушитель.

Большой интерес у пользователей Интернета вызвал регламент GDPR (General Data Protection Regulation) от 25 мая 2018 г., принятый Европейским парламентом. Он призван наложить ограничения на распространение контента в Сети и предусматривает некоторые изменения в стриминговых платформах. Предполагается, что такие платформы будут отслеживать активность пользователей, а также фильтровать их контент с целью предотвращения нарушения авторских прав¹.

Интерес также представляет Директива (ЕС) № 2019/790 от 7 июня 2019 г. «Об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке», ст. 17 которой посвящена обязательству государств-членов обеспечить лицензирование услуг онлайн-обмена. В пункте 4 данной статьи устанавливается ответственность за несанкционированные действия, тем не менее нормы статьи содержат несколько оснований, исключающих такую ответственность: если субъект приложил все усилия для получения разрешения или действовал оперативно после получения уведомления от правообладателей о нарушении авторского права (под оперативностью понимается быстрое удаление контента)².

¹ URL: <https://ogdpr.eu/ru>

² См.: Мотовилова Д.А. Ключевые положения Директивы (ЕС) № 2019/790 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке. URL: <http://jursite.garant.ru/asp/key-provisions-of-directive-eu-n-2019-790-on-copyright-and-related-rights-in-the-single-digital-market>

Несмотря на то что п. 7 предусмотрено, что директива направлена исключительно на защиту правообладателей, а не на предотвращение публикации контента, разрыва связей между правообладателем и онлайн-сервисами, очевидно, что правовой акт направлен на ограничение растущего влияния онлайн-сервисов, таких как YouTube, Facebook, Vimeo и др.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что мировое сообщество заинтересовано в регулировании деятельности блогеров, ведущих трансляции о прохождении популярных онлайн-игр. Следует отметить, что в Российской Федерации нет нормативных правовых актов, прямо регулирующих деятельность стримеров.

Компьютерную игру необходимо рассматривать как сложный объект, включающий в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, вследствие чего видится целесообразным предложить внесение поправок в ч. 1 ст. 1240 ГК РФ, которая не включает компьютерную игру в перечень сложных объектов.

Аналогичную поправку целесообразно внести в ст. 1270 ГК РФ, указав в качестве использования произведения передачу информации, полученной при прохождении игры, путем онлайн-трансляции по сети «Интернет», то есть посредством проведения стримов.

Для создания на территории Российской Федерации условий для правового регулирования игровых стримов возможно применение отдельных положений указанной директивы, касающихся:

- обеспечения лицензированного онлайн-обмена (стрима), например в форме договора между стримером и правообладателем игры;
- введения ответственности за несанкционированные действия во время проведения игрового стрима;
- ограничения растущего влияния онлайн-сервисов, таких как YouTube, Facebook, Vimeo и др.¹

¹ См.: Директива (ЕС) N 2019/790 Европейского парламента и Совета ЕС об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке и о внесении изменений в директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС/. URL: <http://ipc magazine.ru/images/articles/motovilova/1.pdf>

Несмотря на различные точки зрения относительно пользы или вреда игровых стримов, полагаем, что без должного правового регулирования они могут стать новым видом пиратства — показа компьютерных игр без разрешения правообладателя. Пока ситуация остается неурегулированной, многие правообладатели теряют прибыль, а стримеры — свой аккаунты, подписчиков и, возможно, единственный доход.

Библиографический список

1. Котенко Е.С. Правовой режим компьютерных игр // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 2. С. 423–430.
2. Мотовилова Д.А. Ключевые положения Директивы (ЕС) № 2019/790 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке. URL: <http://jursite.garant.ru/asp/key-provisions-of-directive-eu-n-2019-790-on-copyright-and-related-rights-in-the-single-digital-market>
3. Директива (ЕС) № 2019/790 Европейского парламента и Совета ЕС об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке и о внесении изменений в директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС. URL: <http://ipcmagazine.ru/images/articles/motovilova/1.pdf>
4. Информация о GDPR (на рус.). URL: <https://ogdpr.eu/ru>

Dmitry G. Pixin,

*1st year student Institute of Integrated Security
and Special Instrumentation MIREA —
Russian Technological University,
“Civil Law Support of National Security”*

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF GAMING STREAMS IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

The article discusses the problems of legal regulation of gaming streams in Russia and foreign countries, as well as proposals for improving the legislation of the Russian Federation in this area.

Keywords: game stream, streamer, exclusive right, copyright.

*Пушкина Анастасия Альбертовна,
аспирант Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЦЕННОСТИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРИ ТОЛКОВАНИИ

Обосновывается необходимость поиска баланса между принятыми международными подходами и национальными ценностями, особенно при их толковании. В результате влияния глобализации на право, сближения во взаимодействии государств и права, появились наднациональные органы толкования. Однако на смену глобализации приходит становление и развитие идентичности государств, укрепление внутригосударственных ценностей.

Ключевые слова: конституция, глобализация, ценности, толкование.

В современном мире особое значение придается конституционным ценностям, которые служат основополагающими направлениями для ценностного развития всего законодательного массива государства. При этом ценности не являются сугубо правовым элементом — они носят и философский, и социальный, и психологический характер. Понятие ценности достаточно многоаспектно и абстрактно: «Ничто само по себе не обладает ценностью. Лишь то, что человек выделяет из общей массы благодаря способности удовлетворять те или иные его потребности, превращается для него в ценность. Таким образом, ценность — это то особое значение, которое

придает человек чему-либо, это то, что позволяет человеку удовлетворять его желания, потребности, интересы»¹.

Актуальным вопросом при исследовании проблем толкования конституций представляется процесс глобализации и национализации права. На первый взгляд это взаимоисключающие понятия, однако при более тщательном анализе выявляется обратное. Отмечается, что «процесс признания общих ценностей и образцов поведения, присущий глобализации, подкрепляет универсальность прав человека, устанавливает связи между различными частями мира. При этом необходимо обеспечивать сохранность ценностей государства, соответствующих развитию общества и культуры»². В.С. Степин указывал на необходимость сохранения традиционных ценностей: «сценарий многополярного мира, где наряду с техногенными ценностями фигурируют сохранившиеся и адаптированные к ним некоторые фрагменты традиционалистских ментальностей, создает большие возможности для перехода к новому типу развития, стимулируя диалог культур и поиск новых ценностных ориентиров»³. Таким образом, процесс глобализации обуславливает стремление государств к сохранению своих ценностей и идентичности, поиску баланса между традиционными ценностями, присущими определенному обществу, и международными ценностями и их интерпретации.

Долгое время теория толкования конституции ограничивалась только национальным уровнем. Однако в настоящее время государства являются полноценными участниками международных отношений, заключают международные договоры и

¹ Гусейнов А.И. Проблема ценностей в праве // Право и политика. 2007. № 7. С. 16.

² Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России): монография / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, В.И. Васильев [и др.]; под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2013. С. 431.

³ Степин В.С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М., 2018. С. 21.

ратифицируют конвенции, которые внедряются в правовую систему государств. Вместе с тем появляются и новые, наднациональные субъекты толкования конституций, которые, на наш взгляд, следует отнести к субъектам неофициального толкования.

Одним из таких субъектов выступает Европейская комиссия за демократию через право (далее — Венецианская комиссия, Комиссия). Согласно уставу это независимый консультативный орган, который сотрудничает с государствами — членами Совета Европы, а также с государствами, не являющимися его членами, и с заинтересованными международными организациями и структурами. Деятельность Комиссии по всем перечисленным направлениям требует толкования норм национального права¹. Кроме того, согласно п. «а» ст. 2 устава в своей работе Комиссия считает приоритетной деятельность, затрагивающую конституционные, законодательные и административные принципы и инструменты, обеспечивающие эффективность функционирования демократических институтов и их укрепление, а также реализацию принципа верховенства закона.

При этом с учетом правового статуса Комиссии как консультативного органа принятые заключения носят рекомендательный характер. Толкование, которое дает Венецианская комиссия, — уникальное явление, которое раньше не встречалось в науке и практике, так как сочетает несколько видов толкования — международное, профессиональное, доктринальное. При этом, учитывая географию стран, их историю, политические и культурные ценности, Комиссия, решения которой направлены в том числе и на гармонизацию законодательства, при столкновении с различными ценностями государств с осторожностью относится к разрешению коллизий, учитывая национальные интересы конкретного государства. Представитель Российской Федерации в Венецианской комиссии указывает, что толкование права сопровождает большинство видов

¹ URL: https://www.venice.coe.int/WebForms/pages/default.aspx?p=01_01_Statute

деятельности Комиссии, формирование ее правовых позиций, подготовку заключений, проведение исследований¹. Правоприменительные органы обращаются с запросами в Венецианскую комиссию, а результаты ее толкования используются по всему миру как наднациональными органами (судами, комиссиями), так и национальными (национальными высшими судами, органами власти). При этом не только происходит обмен опытом стран-участников, развитие конституционализма государств, но и обогащается общая теория толкования конституции. В результате такого широкого применения заключений Венецианской комиссии появляются предпосылки для практического сближения в деятельности Венецианской комиссии толкования и конкретизации права².

Другим наднациональным органом, с толкованием которого уже не раз была связана Конституция РФ, является Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ). Российская Федерация ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) в 1998 г. С тех пор лица, находящиеся под ее юрисдикцией, имеют право обращаться в ЕСПЧ. Суд, согласно положениям Конвенции, уполномочен толковать положения Конвенции и протоколов к ней. Важно подчеркнуть, что ЕСПЧ не является высшей инстанцией по отношению к судебной системе государства — участника Конвенции. Он не может отменить решение, вынесенное органом государственной власти или национальным судом, не дает указаний законодателю, не осуществляет абстрактный контроль национального законодательства или судебной практики, не имеет права давать распоряжения о принятии мер, имеющих юридические последствия. Однако общность норм Конвенции граничит с общностью норм конституций, некоторые нормы Конвенции направлены на то же регулирование отношений, что и нормы Основного Закона государств.

¹ См.: Хабриева Т.Я. Венецианская комиссия как субъект интерпретации права: монография. М.: Статут, 2018. С. 104.

² Там же.

Конституционный Суд РФ уже давал разъяснение относительно содержания этих норм. В постановлении от 26 февраля 2010 г. «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой» по поводу положения ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ о пересмотре дел с целью восстановления нарушенных прав Суд указал: «Поскольку права и свободы человека и гражданина, признанные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, — это те же по своему существу права и свободы, что закреплены в Конституции Российской Федерации, подтверждение их нарушения соответственно Европейским Судом по правам человека и Конституционным Судом Российской Федерации — в силу общей природы правового статуса этих органов и их предназначения — предполагает возможность использования в целях полного восстановления нарушенных прав единого институционального механизма исполнения принимаемых ими решений». В этом и заключается основная взаимосвязь с толкованием конституций. Нормы Конвенции, которую толкует ЕСПЧ, во многом сходны с нормами конституций, в связи с этим возможно столкновение толкования конституции и Конвенции, а следовательно, и конфликт в их разграничении.

Вопросы совместного применения и взаимосвязи национальных и международных актов в практике ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ особенно обострились в связи с постановлением ЕСПЧ, где утверждалось, что норма российской Конституции (ч. 3 ст. 32), запрещающая участие в выборах лицам, содержащимся в местах лишения свободы, не соответствует Конвенции. В результате Конституционным Судом РФ впервые было применено понятие «конституционная идентичность»¹. В настоящее время разрешение

¹ Постановления Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П и от 19 апреля 2016 г. № 12-П в связи с вопросом о возможности испол-

вопроса противоречия при толковании межгосударственных органов получило закрепление в ст. 79 Конституции РФ: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Следует отметить, что Россия не единственное государство, которое выработало соответствующую практику и доктрину. Концепцию конституционной идентичности в той или иной мере используют органы конституционного контроля по всему миру. Например, Федеральный Конституционный Суд ФРГ отмечал в своих решениях, что в Основном Законе страны существуют такие положения, которые выражают фундаментальные основы немецкой государственности и не могут быть изменены. А Верховный Суд Индии в деле *Minerva Mills Ltd v Union of India* прямо заявил, что «Конституция — это драгоценное наследие, идентичность которого невозможно изменить»¹. Страны АСЕАН подписали Азиатскую декларацию прав человека, в которой закрепили в том числе и то, что: «реализация прав человека как на национальном, так и на региональном уровне должна рассматриваться с учетом разных политических, экономических, правовых, социальных и культурных исторических и религиозных предпосылок»². Как отмечает Г.А. Гаджиев, данная декларация направлена на реализацию двух основных идей:

1) следует учитывать конституционную идентичность каждого государства;

нения постановления ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России».

¹ Цит. по: Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции / Российская газета. Федеральный выпуск № 226(7689). URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html>

² Декларация АСЕАН о правах человека. URL: <https://constitutions.ru/?p=8333>

2) социально-экономические права обладают приоритетом перед гражданскими и политическими, а коллективные — перед индивидуальными¹.

Развитие ценностей в подходах Запада и Востока имеет различия. Возникает необходимость в определении места основных ценностей и в России. На наш взгляд, принятые в 2020 г. поправки в Конституцию РФ не означают автономизации национального законодательства от международных принципов и соответствуют тезису, который намного раньше выдвинули российские ученые: «автономность не должна противоречить основным глобальным правовым принципам, стандартам, призванным быть общими для каждой национальной юриспруденции»². А.И. Ковлер справедливо утверждает, что «...даже в сфере защиты прав человека наднациональный уровень не может быть автономным, ибо он осуществляет свои цели лишь во взаимодействии с национальной правозащитной системой, на которую он должен опираться, если преследует цель достижения эффективных гарантий прав и свобод, закрепленных в Европейской конвенции. В этом диалектическом взаимодействии и состоит смысл принципа субсидиарности: система наднационального контроля является дополнительной (субсидиарной) по отношению к национальной»³.

В глобализации как в явлении нет особо негативных черт. Основные принципы и ценности, заложенные в Конституции России, соотносятся с международными, а также с конституционными ценностями других стран. Однако ценности не исключают вариативности: то, что является ценностью для

¹ См.: Гаджиев Г.А. Конституционная идентичность и права человека в России. URL: http://www.ksrf.ru/ru/News/Documents/report_%D0%93%D0%B0%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D0%B5%D0%B2%20_2016.pdf

² Глобализация и развитие законодательства: очерки / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин. М.: Городец, 2004.

³ Ковлер А.И. Соотношение европейского конвенционного и национального конституционного права — обострение проблемы (причины и следствия) // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2015. № 1. С. 19–64.

одного круга лиц, может ничего не значить для другого или нести негативные последствия. В.Д. Зорькин подчеркивает, что «негативными последствиями механического переноса конституционных ценностей на другую, неподготовленную почву, как показывает опыт, являются их деформация, формирование искаженных представлений о демократических институтах, правовой нигилизм, абсолютизация власти, а как следствие — разочарование населения в указанных институтах или даже их отторжение»¹.

Таким образом, универсализация идей глобализации должна осуществляться в соответствии с развитием культурных ценностей и подлежать оценке путем как внешнего, так и внутреннего толкования — как официального, так и неофициального. С одной стороны, стандартизация текстов конституций, длившаяся на протяжении долгого времени, способствует принятию норм, направленных на защиту общепринятых прав, взаимодействию государств в развитии данных вопросов, с другой — конституция, выполняя функцию Основного Закона страны, закрепляет и гарантирует защиту и развитие фундаментальных общеправовых ценностей, имеющих особое значение для конкретного общества в соответствии с его культурными, социальными и историческими особенностями, — основу развития любого государства.

Библиографический список

1. Декларация АСЕАН о правах человека. URL: <https://constitutions.ru/?p=8333>
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <https://rg.ru/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html>
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой» // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Зорькин В.Д. Права человека в контексте глобальной юриспруденции // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 2.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.
5. Постановление Конституционного Суда РФ № 12-П от 19 апреля 2016 г. «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.
6. Устав Европейской комиссии за демократию через право. URL https://www.venice.coe.int/WebForms/pages/default.aspx?p=01_01_Statute
7. Гаджиев Г.А. Конституционная идентичность и права человека в России. URL: http://www.ksrf.ru/ru/News/Documents/report_%D0%93%D0%B0%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D0%B5%D0%B2%20_2016.pdf
8. Глобализация и развитие законодательства: очерки / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин. М.: Городец, 2004.
9. Гусейнов А.И. Проблема ценностей в праве // Право и политика. 2007. № 7. С. 14–22.
10. Зорькин В.Д. Права человека в контексте глобальной юриспруденции // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 2.
11. Ковлер А.И. Соотношение европейского конвенционного и национального конституционного права — обострение проблемы (причины и следствия) // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2015. № 1. С. 19–64.
12. Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России): монография / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, В.И. Васильев и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2013.
13. Степин В.С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития: научное издание. М., 2018.
14. Хабриева Т.Я. Венецианская комиссия как субъект интерпретации права: монография. М.: Статут, 2018.

Anastasia A. Pushkina,
*PhD student of the Institute of Legislation
and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation*

As a result of the influence of globalization on law, convergence in the interaction of States and law, supranational bodies of interpretation have emerged. However, globalization is being replaced by the formation and development of the identity of States and the strengthening of national values. In this regard, it is necessary to find a balance between accepted international approaches and national values, especially when interpreting them.

Keywords: Constitution, globalization, values, interpretation.

РЕКОМЕНДАЦИИ
IX МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ
«ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ В ФОКУСЕ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ»

Участники Конгресса сравнительного правоведения, рассмотрев в ходе научных дискуссий актуальные проблемы формирования и сохранения правовых ценностей как объекта сравнительного правоведения, разделяя универсальные (общечеловеческие) правовые ценности и концепцию соразмерности универсальных и национальных ценностей, сформулировали следующие концептуальные положения:

1. Проблематика ценностей является основой сравнительного правоведения будущего. Ядро правовых ценностей составляют права и свободы человека. Правовые ценности не являются монолитной категорией и могут быть дифференцированы на общечеловеческие, национально-государственные, групповые (по стратам). Верховенство права, права человека, право наций на самоопределение, демократическая организация власти, включая разделение властей, справедливость, толерантность являются признаваемыми в мировом масштабе универсальными (общечеловеческими) правовыми ценностями, которые формируют общепланетарное правосознание.

2. Сравнительное правоведение выполняет аналитическую, информационную, конструктивную, методологическую, идеологическую, прогностическую функции. Оно позволяет оценить, какие правовые ценности принимаются (заимствуются), а какие отвергаются. Можно выделить пять глобальных стратегических задач человечества: борьба с изменением климата; кибер- и техногенная безопасность; предотвращение чрезвычайных ситуаций; ресурсы; продовольственная безопасность. Очевидно, что многие из этих задач будут решаться с приме-

нением новых, оригинальных институтов и методов правового регулирования. Необходимость решения указанных задач обуславливает, в частности, усиление роли и прогностической функции сравнительного правоведения в современных условиях.

3. Признается важнейшая роль конституционного права и конституционных ценностей в формировании и защите правовых ценностей. Конституционные ценности как один из элементов социальной системы функционируют только во взаимодействии и на основе социокультурных ценностей каждого общества. Для современных конституций последнего времени характерна «культурно-историческая специфичность». В связи с этим необходимо продолжить исследования способов обеспечения справедливого баланса между конституционными (национальными) и соразмерными универсальными ценностями.

4. Для сравнительно-правового анализа правовых ценностей особое значение имеет исследование роли межгосударственных объединений, которые выступают новым объектом компаративистских исследований и средством унификации правовых ценностей отдельных государств — членов таких объединений. Наблюдается постепенное расширение рамок компаративистики и переход от сравнения преимущественно внутригосударственных институтов к изучению наднационального (межгосударственного) регулирования в осваиваемых правовых интегрируемых пространствах (ЕАЭС, АТЭС, БРИКС, ЕС, ВТО, ОЭСР, Арктика, Каспийский регион).

5. Сложные условия, в которых происходит трансформация международного порядка в направлении его многополярной модели, сопровождается нарастанием нестабильности и неустойчивости международных отношений, хаотичной фрагментации глобального пространства. Проявляется стремление отдельных государств принизить роль международного права. Эти новые вызовы и угрозы предъявляют высокие требования к научным международно-правовым исследованиям, направленным на утверждение международного права как незыблемого фундамента международных отношений, укрепление

универсальных правовых ценностей, а также справедливости и международной законности.

6. Корреляция противоречий в мире и правовых ценностей является методологической платформой для проведения научных исследований. Каспийский регион, межрегиональное взаимодействие «Россия — Казахстан», «Россия — Китай» являются перспективными объектами совместных комплексных сравнительно-правовых исследований. Следует продолжить изучение реализации концепции соразмерности универсальных и национальных ценностей в Европе, в том числе в практике Венецианской комиссии Совета Европы, Европейского Суда по правам человека, других органов Совета Европы.

7. Правовые ценности находятся в постоянной динамике, а нередко — в конкуренции с этическими нормами и иными социальными регуляторами. Актуальным направлением научных юридических исследований является соотношение этических кодексов и иных регуляторов правил поведения и правовых ценностей. Все более значительную роль в праве приобретают отраслевые этические ценности (например, в медицине, биотехнологиях).

8. Необходимо исследовать роль бизнеса в формировании новых юридикко-этических ценностей мирового делового пространства. Корпоративные ценности глобальных корпораций распространяются минуя государственные границы, формируя собственную унифицированную локальную правовую среду.

9. Наблюдается активная экспансия в национальные системы права правовых ценностей извне, в том числе посредством насильственных действий. Правовой суверенитет, внутреннее правовое пространство, культурно-историческое разнообразие национальных правовых институтов — важные ценностные категории, формирующие самобытную основу правовых ценностей национальных сообществ, которую необходимо сохранять и поддерживать.

10. Цифровизация расширяет возможности доступа к ресурсам правовых систем государств и международных организаций, формирует новые элементы структуры правосознания,

опосредует функциональные процессы, облегчает условия для проведения научными коллективами различных государств совместных научных исследований. Вместе с тем требуют более тщательного изучения последствия цифровизации с точки зрения обеспечения защиты прав человека и традиционных ценностей общества.

11. В преподавании сравнительного правоведения необходимо учитывать происходящие в мире трансформации. При разработке учебных программ курса «Сравнительное правоведение» следует учитывать новые тенденции в праве цифровой эпохи, появление вариативных концепций сочетания универсальных и национальных ценностей в ходе укрепления многоцивилизационной модели развития мира, возможность формирования оригинальных правовых и этических ценностей в эпоху масштабных технологических прорывов. Следует рассмотреть вопрос о разработке в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации новой учебной программы магистратуры «Международные организации и международное право» (юрист-международник).

Научное издание

**ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ
В ФОКУСЕ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ**

Сборник материалов
IX Международного конгресса
сравнительного правоведения
(Москва, 2 декабря 2019 г.)

Редакционная коллегия
Академик РАН *Т.Я. Хабриева*, доктор юридических наук,
профессор *А.И. Ковлер*, доктор юридических наук,
профессор *Р.А. Курбанов*, кандидат юридических наук *А.М. Белялова*

Подписано в печать 25.11.2020.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Newton.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,75. Уч.-изд. л. 7,9.
Тираж 500 экз. Заказ № .

Издательский Дом «Юриспруденция»
115419, Москва, ул. Орджоникидзе, 11
www.jurisizdat.ru, e-mail: y-book@mail.ru
Тел. (495) 979-70-28

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации